

ДЕВЯТЬ ВОПЛОЩЕНИЙ КОШКИ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Татьяна Степанова

Девять воплощений кошки

«ЭКСМО»

2013

Степанова Т. Ю.

Девять воплощений кошки / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67035-2

Говорят, там, где появляется Проклятая коллекция – в доме, в музейном собрании... – всегда начинают происходить странные и загадочные события. И бесспорно, она тянет за собой шлейф смертей. Вы в это верите? Однако когда в музей доставили Проклятую коллекцию, уникальные древнеегипетские артефакты, Дарья Юдина явилась с аудиторской проверкой Счетной палаты и... была убита. Что это? Совпадение? Поразительное стечение обстоятельств? Или?... А чуть раньше в Красногорске какой-то злоумышленник отравил в зоогостинице всех кошек, которых привезли на международную выставку. Катя Петровская, капитан полиции, сотрудник пресс-центра ГУВД Московской области, и ее подруга Анфиса, фотограф, принимают самое активное участие в расследовании этих жестоких преступлений, едва не стоивших жизни им самим...

ISBN 978-5-699-67035-2

© Степанова Т. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Татьяна Степанова

Девять воплощений кошки

© Степанова Т.Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Девять воплощений. Девять жизней у кошек

Лишь песок и сухая трава, нагретая вечерним солнцем...

Песок, песок, песок, трава, трава, трава, обломки гранита, древние камни, остовы колонн. Все, что осталось... И уже невозстановимо.

Там, в деревне за холмом, громко играет радио в магазине для туристов. Автобусная остановка с надписью на арабском и английском «Добро пожаловать в Загазиг!» пуста.

Туристические автобусы в деревушку Загазиг давно уже не приезжают ни из Хургады, ни из Каира. Путь неблизкий, да и дороги стали опасны.

Стреляют на дорогах. Война на всех границах – в Сирии, в Ливии, да и тут в Нижнем царстве о покое забыли.

Но холм, поросший травой, засыпанный песком, усеянный обломками гранитных колонн великого храма, зияющий, как ранами, ямами старых археологических раскопов, знать ничего не хочет ни о войне на границах, ни о том, что на проселочных дорогах все чаще появляются банды и грабят грузовики и фуры, нападают на полицейских.

Холм Телль-Баста наблюдает за солнцем, опускающимся за линию горизонта, наблюдает сотней глаз, прекрасных и древних.

Жук скарабей катит неутомимо и шустро вонючий шарик. Катит шарик, пятится задом, суча лапками – по песку, по склону холма, среди травы и по небу, лавируя меж редкими облаками.

Кому-то ведь пришлось в голову сравнить ярчайшее ослепительное солнце с этим вот комочком навоза, что так быстро катит жук – скарабей священный!

Солнце – лишь комочек навоза. И Око Ра...

Сегодня оно на закате пугающе великолепно – не замутнено никакими сомнениями, тускло-багрово, исполнено ярости, решимости, тоски и ожидания.

Вот-вот что-то произойдет.

Что-то случится.

И солнце – комочек навоза – всевидящий глаз – это предвкушает и ждет.

На холме Телль-Баста, заброшенном и безлюдном, когда-то в незапамятные времена располагался город, славившийся великим храмом богини-кошки Бастет, которой поклонялся весь Египет.

От него ничего не осталось. Лишь прах, пыль, песок.

Но кошки... ах да, деревенские и просто бродячие... боже, сколько же их здесь? Одна, вторая, седьмая, десятая... более двадцати двух особей.

Кошки приходят сюда на закате, вспрыгивают на обломки колонн. И сидят. Долго сидят. Переживают закат, краткие сумерки и словно растворяются в темноте ночи.

Но нет, они все еще здесь. Глаза горят, посверкивают в темноте, как угольки.

Кошки бдят. Сидят, не издавая ни звука – не мурлычат, не мяукают, не орут.

Кажется, что и друг на друга они не обращают внимания. Но зорко, зорко следят каждая за каждой. И за всем происходящим вокруг. Как жук – священный скарабей – катит свой навозный шарик, словно солнце по небосклону. Как шуршит сухая трава, как цикада поет, как падают капли со стен храмового колодца.

Девять жизней у кошек.

И они длинные, порой растягиваются на века, на тысячелетия, складываясь, продолжаясь.

Поэтому кошки помнят все.

И они не питаются падалью.

Вон там за холмом в песке валяется обглоданный, выбеленный солнцем скелет. Уже и не поймешь сразу, чей – человека или животного.

Но кошки и ухом не ведут. Им до старых костей нет дела. Но память у них длинная, как все их девять бесконечных жизней. Они помнят причиненную боль. И мстят.

Когда-то давным-давно, когда еще храм Бастет существовал, кошек тут лелеяли и ублажали.

Может, поэтому через столько веков их тянет сюда, на старое место?

Но, возможно, есть и какая-то иная причина. Этот вот багрово-тусклый, исполненный ярости и боли закат, например...

В глуши пустыни, где только радио играет в деревенском магазине, и где-то далеко, очень далеко слышна орудийная канонада, закат сулит что-то важное, что вот-вот произойдет.

И кошки холма Телль-Баста это знают. Они явились сами по себе из ниоткуда поглядеть, *как оно все будет.*

Одна из кошек молниеносно протягивает лапу к священному скарабею, неосторожно подкатившему свой навозный шарик слишком близко. Выпустив когти, кошка переворачивает жука на спину и разрывает его пополам.

Глава 2

Жизнь девятая, последняя

– Боже мой, я не могу на это смотреть! Кто это сделал? Это такой ужас... чья-то чудовищная злоба... Кто это сделал с ними?! За что?!

Женский вопль разнесся по всей гостинице, по всему «Приюту Любви». Но кричать уже бесполезно, как и вызывать о помощи.

Все было кончено. Да, с этой удивительной «Планетой» разделились разом.

Скорченные трупы валялись всюду, словно после газовой атаки.

Пахло смертью. Воняло экскрементами. Агония несчастных, видно, была страшной.

– Кто-нибудь, ради бога, позвоните в полицию! И помогите мне, я... я, кажется, сейчас упаду!

Веру Вадимовну Суркову – бессменного президента «Планеты кошек» – еле успели подхватить коллеги, иначе, хлопнувшись в обморок, она разбила бы себе лицо об угол железной клетки.

А ведь начиналось все прекрасно. Эти два майских дня – суббота и воскресенье – стали апогеем славной истории «Планеты кошек» – клуба любителей элитных пород – абиссинской, бурманской, бенгальской, персидской.

Две недели по всему подмосковному Красногорску радовали глаз красочные рекламные щиты «Добро пожаловать на Международную выставку кошек! Выставка-продажа элитных котят! Лучшие представители пород из двенадцати стран!».

С рекламных щитов на прохожих и уличную суету глазели котята с умильными улыбочками мордашками. И от одного взгляда на этих крохотных пушистых малышей становилось тепло и радостно на душе.

Хотелось завести себе вот такого же котенка! Черт возьми, да! Ну конечно же – котенок, и дети всегда просили «мам, ну мам! котеночка», и свекровь, обалдевшая от одиночества и больной щитовидки, всегда намекала, что «если бы вот ей кошечку подарили, то сразу бы стало не так тоскливо дома одной». И муж... он хоть всегда и заявлял безапелляционно, что он «против животных в доме», а тоже при виде такого вот мохнатого клубочка с ушками не устоял бы.

И, рассудив так, прохожий... точнее, прохожая, спешащая по своим делам женщина останавливалась на секунду у рекламного щита, смотрела на котенка и умилялась.

А в первый день выставки, в субботу, городской Дворец культуры просто не вместил всех желающих посетить международную выставку кошек. К кассам выстроились хвосты очередей.

Приходили семьями, с детьми, приходили женщины, подруги, пенсионерки, студентки, приходили школьники, приходили отставные военные, домохозяйки, офисные клерки, продавщицы, парикмахеры, приезжали на автобусах и своих машинах из Москвы – провести отличный день на выставке, посмотреть на кошек со всего света. И, быть может, купить себе вот он того махонького, рыжего, что безмятежно спит в демонстрационной клетке, раскинувшись всеми лапками, показывая миру упитанное пузо.

И, естественно, клуб «Планета кошек», вот уже почти десять лет базировавшийся именно здесь в подмосковном Красногорске, построивший под одной крышей ветеринарную клинику и гостиницу для кошек с нежным названием «Приют любви», оказался в самом эпицентре выставочной лихорадки.

Именно усилиями клуба международная выставка и была организована. Приехали не только члены клуба, владельцы клубных производителей, но и многочисленные участники

выставки со всех концов страны – из Питера, из Ростова, из Нижнего Новгорода, с Урала, из Белоруссии и Украины, из Литвы, Польши и Азербайджана.

И словно населения в эти выходные в подмосковном городе прибавилось. Кафе и рестораны были забиты, две местные гостиницы написали на своих сайтах в Интернете, что «свободных номеров нет». Многие из участников выставки остановились в Москве и в соседних районах Подмоскovie – кто у родственников и знакомых, кто в гостинице, кто на съемной квартире. Но своих питомцев многие были вынуждены на время выставки поместить в кошачий «Приют любви», потому что въезжать на съемную квартиру или в номер отеля с кошками категорически воспрещалось.

Владельцы кошек, заявившие об участии в выставке, вместе с программой получали пухлую пачку отскеренных листов, обязательных для ознакомления. Постороннему человеку и разобраться-то не просто, что там написано:

Открытый класс и выше. Литер класс – не менее 3 котят 10–12 недель.

Юниоры.

Кастраты и домашние кошки.

Обязательный перечень требований к представителям породы.

WSF-ринги.

Монопородные ринги – абиссинская, бурманская, бенгальская, персидская, мейн-кун, экзоты.

***ВНИМАНИЕ!** Продажа котят в одной клетке с животным, заявленным на экспертизу! В одной клетке допустимо не более трех котят при наличии родословных документов.*

Котятам моложе 10 недель находиться на выставке запрещено!

Лист регистрации с пометкой и сканированной квитанцией об оплате обязателен!

Просмотр каталога – зал № 2.

На трех и более животных одного владельца скидка 10 процентов.

*Рекламный класс для членов клуба **БЕСПЛАТНО!***

*Продажа котят для членов клуба – **БЕСПЛАТНО!***

Читая всю эту восхитительную специфическую ахинею, члены клуба и участники выставки отлично все понимали. А кто не понимал, тут же доверчиво спрашивал и уточнял в окошке информации. Профессиональный жаргон членов клуба любителей кошек и просто горячих энтузиастов кошачьего дела... да, великого кошачьего дела, могучего международного движения, почти что масонской ложи «Котофей Востока и Запада» радовал ухо непосвященных.

А любопытный праздный народ... простые посетители выставки слонялись по огромному фойе Дворца культуры, тесно заставленному выставочными столами с установленными клетками, и смотрели.

Как там внутри кипит, мурлычет, выгибает атласные спинки, жмурит изумрудные глазки, мяукает, играет с плюшевой мышкой, выпускает когти, облизывает бархатные лапки *жизнь*.

Никто из посетителей, гостей, участников, устроителей выставки и членов клуба «Планета кошек» тогда и не догадывался, что эта жизнь на самом деле та самая – девятая, последняя.

Фразу о том, что у кошки девять жизней, повторяли на выставке сотни раз. Но что эта вот – девятая и есть, а за нею ничто, пустота, ужас и боль, не догадывался никто.

А может, кто и догадывался. Даже предвкушал. Это еще предстояло выяснить.

В воскресенье на моноринги представителей элитных абиссинской и особенно бенгальской пород, стоивших сумасшедшие деньги, приехали поглазеть, полюбоваться богачи, представители столичной элиты, в основном жены и любовницы.

Возле Дворца культуры на автостоянке припарковались «Ягуары», «Бентли», «Порше» и «Мерседесы».

Моноринг абиссинок очаровал всех своими участниками. Кошки абиссинской породы – этикие маленькие пумы, сочного песочного, медового окраса, с огромными глазами, точно подведенными египетской тушью. Грაციозные, изящные, с короткой шелковистой шерсткой.

Клуб «Планета кошек» показал на моноринге лучших своих представителей породы.

Бессменный президент клуба Вера Вадимовна Суркова во время демонстрации породы чувствовала, как на глазах ее закипают слезы восторга. Она обожала абиссинок. Чрезвычайно популярная в Европе и Америке порода еще была в новинку у нас в России. И Вера Вадимовна поклялась, что исправит эту ошибку. И вот такой успех моноринга! И сразу три чрезвычайно удачные сделки для клуба на продажу котов-производителей и кошек-мам!

Моноринг бенгали вызвал вообще небывалый ажиотаж и приток зрителей. Красногорскому ГИБДД даже пришлось перекрывать уличное движение, потому что хвост очереди уже не помещался на тротуаре.

Если абиссинки – маленькие пумы, то бенгальские кошки – это мини-леопарды. Невыразимо прекрасная пестрая пятнистая расцветка. И не поймешь сразу, кто это – настоящая киса или прирученный дикий зверь из джунглей смотрит на тебя мудро и нежно янтарными глазами.

Котят бенгальской породы, стоивших почти что целое состояние, тут же после моноринга приобрели два клуба из Литвы, два с Украины и частные лица – звезда телесериала «Вдвоем по жизни», звезда ледового шоу «Танцы на льду» и певец шансона Мефодий, приехавший в Красногорск на выставку элитных кошек на автомобиле «Хаммер».

С бешено популярным и эксцентричным певцом Мефодием, облаченным в шотландский килт и гусарский ментик с золотым шитьем, Вера Вадимовна имела долгую беседу.

– Вы приобретаете элитного котенка бенгальской породы, молодой человек, но я должна предупредить вас...

– Да это кот всем котам кот! Тигр! Пантера!

– В каждом котенке-бенгали есть гены диких представителей семейства кошачьих, хищников. Это плод скрещивания дикого азиатского кота и...

– Не пудрите мне мозги, мамаша! Сразу говорите, хау мач? Сколько?

– Вы хотите купить одного из лучших представителей породы, жемчужину нашего клуба. Мы надеялись этим котенком пополнить наш клубный генофонд.

– Я плачу двойную цену!

– Но вы берете его в качестве домашнего питомца. И если вы намерены кастрировать его, то...

– Да ни боже мой! – Глаза Мефодия сверкнули, а рыжие усики встопорчились, даже килт заколыхался над голыми волосатыми ногами в носках и тяжелых армейских ботинках. – Да кто вам сказал, мамаша, что я позволю превратить своего кота в евнуха? Какая, к черту, кастрация?! Пусть гуляет где хочет, пусть трахается, сколько и где захочет! У меня дом загородный в Одинцово, участок ого-го, там этих ваших кошек бродячих...

– Трахаться, – Вера Вадимовна кротко улыбнулась певцу Мефодию, – ваш кот будет приезжать к нам в клуб. И, возможно, мы будем делать забор его спермы для искусственного оплодотворения наших клубных чемпионок.

Мефодий сказал «ОК!» подмигнул, как он подмигивал провинциалкам-зрительницам со сцены, и пошел в офис за демонстрационным залом подписывать договор купли-продажи и платить за драгоценного котенка через кассу.

Вот в этот самый миг Вера Вадимовна и почувствовала: нет, не может все так хорошо, так отлично складываться – и выставка, и ринги пород, и перспективы клуба, и вообще будущее, жизнь.

Где-то... где-то есть подвох... а может, и большая беда...

Но жизнь вокруг била ключом, кипела, мурлыкала, мяукала, точила коготки о специальные подставки, шипела на сородичей, тыкалась мордочкой в материнский тугой живот, по

привычке ища соски, ходила по-маленькому в специальный кошачий туалет с наполнителем, хрустела кормом, пыталась заигрывать с жизнью в соседней демонстрационной клетке, протягивая к сетке бархатную лапку.

Десятки кошек сидели, лежали, валялись лениво и праздно, спали, притворялись, что спят в демонстрационных клетках и на руках своих владельцев.

Вера Вадимовна почувствовала, как слезы вновь наворачиваются на глаза. Она любила этих удивительных существ. Она обожала кошек. На склоне лет оставшись в одиночестве, она всю себя отдала вот им, клубу «Планета» и гостинице «Приют любви».

Перед окончанием субботнего выставочного дня она сама лично просмотрела списки заявок участников на следующий выставочный воскресный день и по компьютеру проверила наличие свободных мест в кошачьей гостинице. Очень много участников были вынуждены на ночь поместить своих питомцев туда.

Мест, как водится, хватило не всем желающим. Кошачья гостиница рассчитана на тридцать мест. Но лишь в выставочные дни она заполнялась вот так целиком. Семь кошек уже занимали кошачьи домики – это были платные постояльцы, питомцы хозяев, которые уезжали кто в отпуск, кто в командировку.

Двух – кошку и кота – их хозяева как раз планировали забрать утром в воскресенье, а это означало, что в «Приюте любви» освобождалось два кошачьих домика – уютных, из розового плюша. Кроме этого места еще были и в демонстрационных клетках.

«Приют» закрывался в девять вечера, перед этим уборщица кормила питомцев и запирала гостиницу на ночь. Через стену в ветеринарной клинике клуба дежурный ветеринар работал до полуночи и затем лишь выезжал по срочному вызову на дом.

Воскресный выставочный день для Веры Вадимовны должен был начаться в восемь утра. Но в семь пятнадцать ей позвонила дежурная, явившаяся в «Приют любви» на утреннюю уборку и кормежку кошек.

Дежурная не могла говорить – плакала, заикалась от рыданий.

Вера Вадимовна, неумытая, непричесанная, выскочила из дома, ошалело поймала участника на остановке и рванула...

Там, в «Приюте любви» трупы были повсюду – в демонстрационных клетках, в розовых плюшевых кошачьих домиках.

Скорченные, сведенные судорогой тела.

Этот ужасный, ни с чем не сравнимый запах смерти, массовой гибели.

– Освенцим... – рыдала дежурная. – Я дверь открыла, а они все мертвые. Кто же это сотворил... чья же злоба...

Вера Вадимовна еще помнила, как закричала, чтобы кто-то... ну хоть кто-нибудь помог, вызвал полицию.

А потом она уже не помнила ничего, ибо провалилась, как в яму.

Очнувшись она в «предбаннике» «Приюта любви». Дежурная и еще какие-то люди – члены клуба и владельцы кошек, Вера Вадимовна не сразу их узнала, так все плыло перед ее глазами, хлопотали вокруг нее бестолково, но активно, пытаясь привести в чувство.

В дверном проеме показались люди в полицейской форме.

Видимо, уже приехал патруль.

И еще там была девушка – высокая и светловолосая.

Вера Вадимовна протянула к ней руку, приняв за следователя, и прошептала:

– Помогите, прошу вас!

Глава 3

Где-то между девятой и восьмой – на грани. Запах валерьянки

В этот майский солнечный воскресный день, точнее утро, Катя Петровская – криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, капитан полиции особо работать не рвалась и рассчитывала закончить намеченное быстро. А потом на обратном пути набросать на походном ноутбуке статейку для «Криминального вестника Подмосковья» и благополучно скинуть ее по электронной почте.

«Криминальный вестник» окончательно перешел в электронный формат, и это всех его корреспондентов, в том числе и криминального обозревателя пресс-центра ГУВД Екатерину Петровскую (по мужу Кравченко), до безобразия избаловало. Наколотить материалчик стало делом плевым – главное, чтобы факты были убойными, свежими и сенсационными. Если таких не возникало, годилась любая новая информация. Вот, например, как сегодняшнее событие – открытие в Красногорске новенького, с иголочки, отделения полиции. Почти что праздничное воскресное мероприятие с последующим скромным банкетом.

Съемочная группа пресс-центра ГУВД и Катя во главе нее отправились на машине из Главка в Красногорск к половине девятого утра. А уже в десять Катя намеревалась накатать наспех помпезный материал об открытии отдела милиции и достижениях в области современных технологий на службе правоохранительных органов и по-тихому смыться.

То есть улимонить оттуда. Во-первых, потому что делать в отделении таким великим профессионалам криминального репортажа, как она (!), просто больше нечего. А во-вторых, потому что ее в Москве ждала подруга Анфиса. Да, они договаривались еще в прошлый четверг – встретиться, как только выпадет свободный денек.

Подруга Анфиса Берг, по профессии художник-фотограф, начинала какой-то новый проект, и ей не терпелось обсудить это с Катей. А Катя просто соскучилась по подруге Анфисе. Так давно не виделись. Ради Анфисы Катя и решила улизнуть с работы.

Однако едва лишь они поймали в машине по рации *то самое сообщение*, эти ее планы сразу испарились.

Они уже поворачивали с Волоколамского шоссе, как в машине телегруппы сработала рация:

Второй экипаж на маршруте? Поступил вызов с Северной Магистральной, одиннадцать. Массовое убийство животных в зоогостинице при ветеринарной клинике. Проверьте вызов. Участковый туда уже направляется.

Голос дежурного по УВД – строгий, деловитый.

Затем еще голоса в рации:

– Что там еще за дерьмо на Северной Магистральной?

– Боюсь, что опять то же самое, как и в апреле. Тут ведь выставка котов вовсю.

– Да знаю я, что выставка, моя благоверная там дежурила вчера. Кто сообщил?

– Хозяйка гостиницы или нет... эти малахольные кошатники, члены клуба.

– Ладно, я уже спускаюсь, скоро буду. Оборудование взял. И скажите Вовке, как увидите, чтобы он в истерику не впадал. А то получится как в прошлый раз.

Массовое убийство... От этой фразы члены телегруппы в машине сразу притихли. А Катя ухватила рацию. Но все, отбой, больше никаких сообщений и переговоров в эфире.

Из диалога она поняла – патрульные говорят с экспертом-криминалистом, который выезжает со своим оборудованием на место происшествия. И нервным тоном просит «сказать» какому-то Вовке, чтобы тот «не впадал в истерику».

Катя раздумывала лишь пару секунд. *Массовое убийство...* Этаким противный холодок пополз по позвоночнику.

– Ребята, меня завезите, пожалуйста, на Северную Магистральную.

– А как же открытие отделения? – спросил Катю оператор.

– Вы езжайте туда, все отснимете. Я потом приеду с местными сотрудниками и напишу текст.

– А в этой зоогостинице материал для теленовостей.

– Вот именно, – Катя открыла в планшете «карты». – Что-то у вас с навигатором, тут направо надо сворачивать между во-он теми высотными домами. Отделение новое стоит себе и стоит, никуда не убежит от нас. К тому же с Магистральной все равно потом поедут туда – и эксперт, и участковый.

Что называется – логика железная. Никто и не думал возражать. Телевизионщики! Их бог – сенсация для теленовостей!

Два одноэтажных здания приятного фисташкового цвета под крышей из металлочерепицы на самом краю новой улицы – еще толком не обжитой, со строительными заборами и многоэтажными жилыми корпусами, еще не заселенными. Дальше – поле, еще дальше зеленеет кромка леса. На поле специально огороженная площадка для выгула собак.

У зданий фисташкового цвета – несколько машин, в том числе и патрульный «Форд» полиции. Возле него и припарковались.

Катя прочла вывеску: «Ветклиника. Зооотель «Приют любви».

Дверь сбоку открылась, и она увидела патрульных в полицейской форме и услышала громкие рыдания.

Женщина плакала так, словно у нее разрывалось сердце от горя.

Оставив телегруппу объясняться с патрульными, Катя тут же просочилась, ввинтилась буквально внутрь и...

Едва не задохнулась от едкой вони, что ударила в нос, – запах кошачьей мочи, еще какой-то гадости и что-то приторное, разлитое в воздухе, очень знакомое, но в сочетании с запахом смерти бесконечно гадкое.

– Что здесь произошло?

– Вы хозяйка питомника?

Катя в эту минуту даже не поняла, кто ее спросил. В узком коридоре, куда она попала с улицы, толпился народ – в основном женщины, и все они плакали, голосили как по покойнику. На стуле под разноцветными плакатами сидела женщина в ярком желтом плаще – немолодая крашенная брюнетка, явно в обморочном состоянии. Вокруг нее суетились, подносили к носу пузырек с нашатырем, пытались привести в чувство.

От нашатыря она вздрогнула, открыла глаза и внезапно протянула к Кате руку, что-то бессвязно бормоча.

– Вы хозяйка? Боюсь, что вы уже не хозяйка. Они там все мертвы. Ни одного живого, – раздался позади мужской голос.

Катя оглянулась. За ее спиной стоял молоденький, хрупкий, как тростинка, участковый. Фуражка на нем – гигантских размеров, как такую только выдали на складе обмундирования, прямо генеральская фуражка. Паренек рыжий и с веснушками. Но сейчас все веснушки словно полиняли, такой он был бледный.

– Я капитан Петровская Екатерина, мы со съемочной группой приехали из Главка на открытие вашего отделения и поймали сообщение о происшествии.

– Лейтенант Миронов. Участковый уполномоченный.

– Лейтенант, что тут случилось?

– Сейчас сами увидите. Если нервы у вас крепкие.

Они пошли по коридору, идеальной чистоты, открыли стеклянную дверь и попали в просторное помещение с высоким потолком, заставленное небольшими клетками, в которых размещались круглые домики для кошек.

А потом Катя увидела самих кошек.

На полу каждой клетки – скорченный труп.

Кошки, коты, взрослые особи и совсем молодые котята. В каждой клетке – мертвец. Катя сбилась со счета.

– Ой, мамочка, да что же это... Может, это вирус какой-то? Чумка?

Участковый Миронов присел на корточки перед одной из клеток с розовым домиком внутри.

На полу клетки валялся труп крупного дымчатого кота в темных полосках и пятнах.

В уголке клетки Катя увидела какие-то красные ошметки. Ей стало дурно.

Она закрыла рот рукой.

Сзади послышался энергичный громкий голос:

– Пропустите, попрошу не мешать!

В зал с клетками вошел еще один рыжий паренек постарше, в полицейской форме, с веснушками, без фуражки, зато с увесистым криминалистическим чемоданом на ремне – походной кримлабораторией.

– Вовка, не сходи с ума! – бросил он участковому с ходу. – И не вздумай сразу к *нему* ехать. Все равно толку не будет, пока у нас нет прямых доказательств.

Катя поняла – это тот самый эксперт-криминалист из рации. А участковый – тот самый Вовка. Лейтенант Миронов. Мальчик-одуванчик.

– Убью его! Убью эту гадину.

Мальчик-одуванчик вскочил, точно подброшенный пружиной, и схватился за кобуру.

Он ринулся назад к выходу.

– Вы кто по званию? – гаркнул эксперт опешившей от неожиданности Кате.

– Я? Я к-капитан.

– Так скомандуйте ему, меня он не послушает! Остановите его, не видите, он на все готов, сейчас рванет к *нему* и пулю в лоб!

– Лейтенант Миронов! – закричала Катя во всю мощь своих легких. – Вы что себе позволяете! Спрячьте оружие.

Участковый обернулся. Оружие табельное, впрочем, он так и не достал.

– Остынь, братишка.

Сказал эксперт мягко, и тут Катя поняла, что участковый и криминалист – братья: младший и старший.

В кошачью мертвецкую с розовыми домиками вошел патрульный.

– По какой статье? – спросил он. – Опять как в тот раз? Жестокое обращение с животными и уничтожение имущества?

– Других статей для этого пока не изобрели, – ответил участковый Миронов, он взял себя руки – бледный, тоненький, как былинка. – Сколько кошек погибло? Успели опросить?

– Главная ихняя президентша клуба еще пока не коммуникабельна и не транспортабельна, – оповестил патрульный. – Можно сказать, шок у нее от потрясения. Там владельцы съезжаться начали, эти, которые с выставки, сюда рвутся в зал. Рыдают.

– Не пускать никого, я осмотр делаю, – велел эксперт-криминалист. – Так сколько же тут всего было кошек?

– Вот я узнал, – подошел второй патрульный, сверяясь с блокнотом. – Гостиница кошачья на тридцать мест. Семь котов у них по договору на постое, плюс эти, которые с выставки, плюс они места дополнительные выделили. Так что всего где-то тридцать... нет, тридцать четыре.

– Считай, – велел эксперт.

И патрульный пошел вдоль клеток.

– Это вот что, по-вашему?

Катя, втайне уже мечтающая о том, как бы поскорее выбраться из этого могильника на свежий воздух, поняла, что участковый обращается к ней.

Он взял у брата-эксперта резиновые перчатки, открыл клетку кота и пинцетом подхватил те самые кровавые ошметки, на которые было тошно смотреть.

– Я не знаю, – Катя отшатнулась от пинцета.

– Это куриная печенка. А запах? Нет, вы понюхайте.

И нюхать нечего – та же знакомая вонь, в сочетании с запахом смерти просто убийственно мерзкая.

– Ой, да это же валерьянка! – воскликнула Катя.

– То-то и оно, умно придумано. Куриная печенка в виде приманки, да еще валерьянкой полили. Вот они все и сожрали. Все до одного сожрали приманку, никто, никто не отказался. Такое лакомство. Приманкой их всех и потравили.

– Яд? – Катя смотрела на остатки куриной печени уже более спокойно. Раз определили, что это не чьи-то кошачьи внутренности, то...

– Заберем на экспертизу, проверим. Кажется, использован стрихнин, – сказал эксперт, забирая у брата-участкового пинцет с образцом-вещдоком.

– Кто же до такого додумался?

– Кто... хитрый, умный безжалостный гад, – сказал участковый. – Гадина проклятая.

– Вы знаете, кто это сделал?

Но Катя не получила ответа.

– Тридцать три! – донеслось из конца зала. Это патрульный известил о количестве погибших животных. – И дверь на лестницу в подвал настезь. Я пойду проверю.

– Я с тобой, подожди, – участковый заспешил к патрульному.

Брат-эксперт остался в зале продолжать осмотр.

– Даже если отыщем прямые доказательства, – сказал он, – много ЕМУ все равно не дадут.

– Кому?

Но Катя и в этот раз не получила ответа на свой вопрос. Стеклопанная дверь из коридора с грохотом открылась, и, несмотря на сопротивление патрульного, в зал с клетками вошли две женщины.

Та самая пожилая брюнетка в желтом плаще и...

Катя решила сначала, что с ней ее дочь – высокая, под метр девяносто, стройная, тонкая, длинноногая, рыжая, на аршинных каблуках, в цветных молодежных легинсах, алом коротеньком тренче и широкополой шляпе.

Но вот свет из окна упал на ее лицо, и сразу стало ясно, что великолепные рыжие волосы, рассыпавшиеся по плечам – это парик. У женщины с фигурой двадцатилетней девушки было лицо шестидесятилетней – густо, ярко, профессионально окрашено. Но морщины и пигментные пятна сквозь тон и пудру проступали лишь резче, а подведенные тушью глаза слегка косили.

– Я должна их увидеть! Пустите меня к ним! Они мои дети... О, что же это такое... за что? Кому они что сделали плохого?!

Брюнетка в желтом плаще дотрагивалась до клеток с мертвыми кошками.

– Мертвые все...

– Вы председатель клуба? – спросил ее эксперт.

– Она президент клуба и хозяйка гостиницы, а ветклиника у клуба на паях с банком, – ответила прокуренным басом рыжая шестидесятилетняя красотка в шляпе. – Верочка, ну успокойся, не убивайся ты так!

- Не уберегли мы их, нам их доверили, а мы их не уберегли!
- Какой тут у вас режим работы? – спросила Катя.
- Вера Вадимовна Суркова обернулась к ней:
- Помогите нам, умоляю вас! Найдите того, кто это сделал.
- Мы найдем, – пообещала Катя.
- Конечно, не ее дело – чужой в Красногорске – раздавать вот такие обещания. Но эта женщина сказала «умоляю вас».
- Как работает персонал? Сколько у вас народу котов обслуживает?
- Дежурная утром приходит в семь, убирает клетки, кормит животных, а в четыре ее другая девочка-волонтер сменяет. Та до девяти. Она тут все потом закрывает на ключ.
- А ночью?
- Ночью? Нет, кого ночью работать заставишь, это к тому же двойная оплата. Клуб так по миру пойдет, – гроыхнула басом красавица в шляпе.
- Как называется клуб?
- «Планета кошек».
- И, значит, у вас нет никакой охраны ночью? – допытывалась Катя.
- Это ж кошки, а не туристы, – хмыкнул эксперт. – Какая охрана кошкам, это не банк. Тут у них и камер нет. Гражданочка президент, а замки, что с замками?
- Ничего, дежурная своим ключом открыла дверь, как обычно, сегодня утром, она мне так сказала, – Вера Вадимовна смотрела на розовые домики.
- А что у вас в подвале?
- Холодильник и так, всякий хлам от стройки остался.
- А холодильник для чего?
- У нас же ветклиника, все бывает, усыпляем животных и, ну вы понимаете... пока ждем утилизацию, туда складывают, в холодильник, до похорон и кремации.
- Подвал всегда заперт?
- Конечно!
- А у кого ключи?
- У меня, у дежурной. И у волонтеров, которые приходят помогать ухаживать за кошками. Они ключи у дежурной берут.
- У каких еще волонтеров? – это спросил участковый Миронов.
- Они с патрульным, запыхавшиеся, в известке и пыли, вернулись в зал.
- У меня, например, я волонтер. Я тут подрабатываю уборщицей, – гордо, с вызовом, сказала шестидесятилетняя красотка в шляпе. – А что? Пенсия-то фиговая. Моему Бенедикту на кошачьи консервы не хватит этих грошей.
- И сейчас запасные ключи при вас? – спросил Миронов.
- Красотка порылась в сумке и достала ключи.
- Пожалуйста, я как раз сегодня дежурной хотела отдать.
- Как ваши фамилия, имя, отчество?
- Это наша Василиса! – воскликнула Вера Вадимовна Суркова. – Она моя ближайшая подруга.
- Василиса Одоевцева. Пенсионерка. Живу тут, в Красногорске. Высотные дома.
- Участковый Миронов забрал у нее ключи, записал имя, фамилию и сказал:
- Там обе двери настежь в подвале – сюда, наверх, и входная. Замок на входной двери сломан.
- Ох, час от часу не легче, – Василиса всплеснула руками. – Но дверь в подвал мы всегда запираем.
- Я знаю, – мрачно сказал участковый Миронов, – так какой тут у вас распорядок дня для кошек? Во сколько вчера дежурная все закрыла и заперла?

– В половине десятого. У нас ринги на выставке кончились в шесть, потом пока оформляли документы на продажу котят, пока с новыми владельцами договаривались, затем я список постояльцев смотрела – на одну ночь иногородние владельцы нам своих питомцев оставили до воскресенья, до сегодня, то есть, до демонстрации. Они все уже там, за дверью. Я не знаю, что им говорить, как смотреть людям в глаза. Я не уберегла их кошек! Что теперь будет? Как мы возместим все убытки? Все, что за выставку клуб заработал, уйдет на возмещение, даже больше... мы разорены... Придется наших чемпионов продавать другим клубам, отдавать наши бесценные сокровища, наш генофонд.

Вера Вадимовна заплакала, как ребенок.

– И гостинице каюк, – мрачно изрекла Василиса. – Кранты «Приюту любви». Кто теперь сюда кошку отдаст хоть на час?

И тут лишь Катя заметила красочный рекламный плакат на стене над столом дежурной.

Гостиница для кошек «Приют любви». Оказывает услуги по временной передержке. Все кошки содержатся в индивидуальных номерах. Все удобства, полный комфорт! Наши маленькие друзья нуждаются в том, в чем и мы, – заботе и ласке, тишине и покое. В «Приюте любви» все условия для полноценного кошачьего отдыха. Чистый воздух Подмосковья. Ветеринарная помощь. Квалифицированные советы по уходу от специалистов клуба «Планета кошек», неоднократно отмеченного международными призами!

– Вынужден вас спросить, вы сами кого-нибудь подозреваете? Кто вам такое мог устроить? Может, зависть к клубу, конкуренты? – спросил участковый Миронов.

– Да нет, что вы, кто на такое злодейство способен! Ну, конечно, успехам «Планеты кошек» завидовали, и недоброжелателей хватало, и завистников. Но это же обычное житейское дело, в порядке вещей – людская зависть. А тут орудовал какой-то живодер! Убийца! – кроткая интеллигентная Вера Вадимовна сжала кулаки с наманикюренными ногтями. – Это запредельная жестокость. Разумеется, есть люди, которые кошек не любят, у которых аллергия на шерсть. Но чтобы вот так вломиться и разом прикончить всех... всех наших обожаемых деток, пушистых, нежных...

Она снова заплакала, а участковый Миронов засопел. По его лицу Катя поняла – он задал чисто риторический вопрос о «подозрении». Ответ на него его не интересовал. Потому что у него – своя собственная версия происшедшего. Он с ней в «Приют любви» явился.

«Конечно, послали мальчишку участкового на такое дело. И второго мальчишку – эксперта. Это же кошки, не люди, – Катя бережно повела Веру Вадимовну к выходу. Ей самой не терпелось покинуть «Приют любви» и наконец глотнуть полной грудью «чистого воздуха Подмосковья». – Послали на вызов новичков. Из розыска никто не приехал, все, кто в воскресенье дежурит, на открытии нового отделения».

Очутившись за дверью зала, Катя вместе с Верой Вадимовной и красавицей Василисой сразу же оказалась в плотном кольце безутешных, разъяренных, рыдающих владельцев кошек, в одночасье лишившихся своих питомцев.

Что там творилось, словами не описать. Но и смотреть на этот скандал сквозь слезы Катя не собиралась. Телевизионщики быстро отсняли материал, они уже хотели ехать в отделение полиции, как внезапно внимание Кати привлекла новая посетительница «Приюта любви».

Женщина – крашеная блондинка лет тридцати пяти в строгом изящном сером костюме и плаще, который она держала в руке. Она приехала на черном «Вольво» с шофером. На таких машинах обычно разъезжает начальство. Катя и приняла ее за местную начальницу, однако все оказалось не так.

– Что здесь творится? Тут что, пожар?

– Дарья Олеговна, пожалуйста, одну минуту, выслушайте меня. Я сейчас вам все объясню. У нас огромное несчастье!

Тон у молодой дамы властный, а вот голос Веры Вадимовны, сраженной горем, шелестит, как сухая трава.

– Я приехала за Маркизом. Обещала в девять, но у нас самолет опоздал. Сами понимаете – ночной рейс из Владивостока.

– Дарья Олеговна, казните меня, но вашего Маркиза больше нет.

– Как это нет? Убежал, что ли?

– Мертв. У нас тут массовое убийство. Все кошки... все наши питомцы погибли.

– Мертв? – Дарья Олеговна приподняла тонко выщипанную бровь. – То есть сдох, что ли?

Вера Вадимовна смотрела на нее, и слезы катились по ее щекам.

– Ничего себе. Ну что же... земля ему пухом, маминому котику, – Дарья Олеговна переложила плащ с руки на руку. – Может, это и к лучшему.

– Как же так?!

– Я ведь все время на работе, в командировки летаю постоянно. Я занятой человек. А тут вдруг после смерти мамы на меня сваливается этот старый кот, который постоянно везде гадит. Я уж думала, как от него избавиться. Но усыпить... это как-то негуманно, мама души в нем не чаяла. Мучилась целый месяц с ним, вам вот пристроила на время командировки. А раз уж так вовремя сдох, то... – Дарья Олеговна улыбнулась.

И улыбка эта в «Приюте любви», насыщенном смертью и слезами, показалась всем, кто ее видел, такой...

Катя отвернулась и пошла к машине. Пора ехать снимать новое отделение полиции и достижения в области современных технологий.

– Надеюсь, Вера Вадимовна, ваш зооотель похоронит кота за свой счет, – донесся до нее резкий веселый голос Дарьи Олеговны. – Вы меня очень обяжете, всем моим хлопотам конец.

Глава 4

Задолбыш

В новеньком, с иголки, отделении полиции телегруппу из Главка ждали с ревнивым нетерпением.

Катя радовалась: в кои-то веки от камер и ее вопросов не отмахиваются, как от назойливых мух, бывалые профи. Интервью записывалось, снималось обстоятельно, чинно-благородно, с демонстрацией помещений нового отделения, пахнувших ремонтом, отлично оборудованной дежурной части, компьютеров и мониторов уличных камер.

А записав на диктофон все эти победные репортажи, Катя снова увидела участкового Миронова. Он шел по коридору за начальником и что-то горячо ему доказывал, потрясая составленным протоколом.

– Нет, нет и еще раз нет. Без доказательств за ордером мы не поедem, – начальник остановился и оборвал тираду лейтенанта на полуслове, зычный бас его разнесся по всему новехонькому отделению полиции. – В тот раз в апреле пошли у тебя на поводу, послушали твою идею фикс. И что получилось? Ничего. Пшик без доказательств.

– Но я запись его в блоге читал! Свежую, вчера ночью появилась!

– В Интернете? И это все, что есть? Где доказательства, я спрашиваю, ты вот только что с места происхождения, из этой гостиницы «Кошкин дом», нашел прямые улики, что это его рук дело?

– Будет экспертиза...

– И она докажет наличие яда, хорошо, а ты нашел доказательства того, что *он* там был ночью?

– Пока нет, но я голову даю на отсечение, что...

– Никакого ордера на обыск нам повторно не дадут. В прошлый раз с обысками облажались. Нашли что-нибудь? Я тебя спрашиваю? На нем нашли? Следы бензина на одежде, на руках? В квартире, в гараже? Все ведь проверили. Он чистый оказался полностью. А я потом на совещании фонда «Правопорядок в действии» устал на возмущенные вопросы отвечать. Его отец – уважаемый человек, благодаря его усилиям дружина возрождена и активно нам помогает. Мы не можем вот так бездоказательно позорить его честное имя, третируя его сына. Я не знаю, Миронов, что у вас с этим парнем, может, неприязнь, может, он у тебя девицу увел, вот ты на него зуб и точишь.

– Его девицы пока не интересуют, – мрачно изрек лейтенант Миронов. – К счастью для нас. Но подождите, все впереди. Собаки бродячие, кошки – это только начало. Разминка перед большой кровью.

Начальник посмотрел на него, помолчал:

– Ступай и займись своими непосредственными обязанностями – сбором доказательств по преступлению. В понедельник все материалы представишь следователю. Дело возбудим, как и в прошлый раз.

И начальник пошел встречать «отцов города», приехавших полюбоваться на новое отделение.

Лейтенант Миронов остался один. Катя подошла к нему.

– А что тут было в апреле? – спросила она.

– Приют для бродячих собак сторел. Поджог.

– У вас, лейтенант, есть конкретный подозреваемый?

– Есть. А что? – спросил он с вызовом.

– Начальник ваш прав. Одних голых подозрений мало. Нужны доказательства.

Лейтенант Миронов открыл дверь первого попавшегося пустого кабинета, кивком пригласил Катю, достал из кейса планшет Galaxy.

Пальцы его летали, едва касаясь экрана – участковый вовсю дружил с компьютерными технологиями.

– Вот, это что, вам не доказательство?

Лунная ночь. Смотрел на луну и на кровь. Кровь черная в лунном свете. Но пахнет все так же. Меня это дико заводит. Я весь полон радости и силы, я чувствую, что я живой!

Катя увидела запись в блоге или, может, в ЖЖ – Живом Журнале.

– И что это такое?

– Это он написал уже под утро, когда там, в «Приюте», все уже было кончено. Кошки сдохли.

– Но это лишь запись в блоге. И тут говорится про кровь, а не про яд стрихнин и не про куриную печенку, политую валерьянкой.

Лейтенант Миронов выключил планшет.

– Вы в Главк сейчас? – спросил он. – Подбросьте меня до МКАД, тут недалеко.

Катя смотрела на его лицо – веснушчатое и полное отчаянной решимости.

Она молча кивнула.

Погрузились в машину и поехали. Лейтенант Миронов дважды показывал, куда поворачивать. МКАД, огромные высотные дома посреди чистого поля – обычный пейзаж подмосковных новостроек.

– Вот здесь я выйду, спасибо, – сказал он, кивнув на пятнадцатизэтажный жилой дом с застекленными лоджиями и белыми телевизионными тарелками чуть ли не на каждой.

– Вы не против, если я и оператор пойдем с вами, – спросила Катя. – Возможно, снимем задержание по «горячим следам», а?

Она лукавила. Ей просто не хотелось сейчас отпускать туда... куда бы то ни было этого взрывного мальчишку одного. Она еще помнила ту сцену в «Приюте любви», когда его брат-эксперт просил ее, как старшую по званию, остановить его.

Мы коллеги. Мы должны помогать друг другу хотя бы в том, чтобы не наломать дров в горячке.

Дверь подъезда с домофоном. Участковый Миронов не стал звонить в квартиру – пустите нас, мы из полиции, сразу набрал код, словно бывал прежде в этом доме неоднократно.

На лифте поднялись на двенадцатый этаж. Лейтенант Миронов позвонил в квартиру.

Сначала долго никто не открывал. Потом дверь открыли, – Катя поняла, после изучения на мониторе домашней камеры, без глупых вопросов: кто там?

В дверном проеме возникла фигура – мужчина высокого роста атлетического сложения – блондин с белесыми ресницами и бровями, этакий викинг во плоти – в домашних тапочках, с газетой. Под футболкой перекачиваются бугры накачанных мышц, как у штангиста-тяжеловеса.

– А, Вова, это ты. Ну здравствуй, Вова.

Голос у мужчины – спокойный, низкий, приятный. Да и внешность – очень даже приятная мужская внешность. Этакий «настоящий полковник», казак, орел удалой.

– Ваш сын дома? – спросил сухо лейтенант Миронов.

– Он на работе.

– Сегодня воскресенье.

– Музей по воскресеньям открыт, – мужчина усмехнулся. – Должен знать.

– Где ваш сын был сегодня ночью?

– Где? Конечно же, дома. Со мной. Он у меня по клубам ночным не шляется, как некоторые.

– Сегодня ночью убили всех кошек в зооотеле «Приют любви»...

– Ах ты, беда какая. А при чем тут мой сын?

Катя, помалкивавшая, лишь украдкой показывавшая оператору – снимай, снимай – видела их лица, их взгляды, сверлившие друг друга.

– Передайте вашему задолбышу, дядя Коля, что я все равно его достану. Рано или поздно.

– Передам. А ты, сопляк, запомни – еще раз явишься ко мне вот так, спущу тебя с лестницы. И не посмотрю, что ты теперь форму надел!

В лифте Катя спросила:

– Так это его сын ваш главный подозреваемый? Но отчего вы так уверены, что это его рук дело?

Лейтенант Миронов обернулся к ней:

– Потому что я точно знаю. Он и раньше это делал. Еще пацаном. Мы вместе росли, даже какое-то время дружили. Так вот он на этом повернут. Калечил собак, вешал кошек. Однажды затащил меня в старый гараж и хотел, чтобы я тоже... чтобы составил ему компанию. Я его тогда чуть не убил.

– И вы уверены, что он продолжает?

Лифт остановился. Лейтенант Миронов вышел.

– Я читаю его, – сказал он. – Я взломал его блог.

Глава 5

Мечты о кресле аудитора

Дарья Олеговна Юдина – хозяйка персидского кота Маркиза, нашедшего свою смерть, как и прочие кошки, в «Приюте любви», прямо из зоогостиницы на служебной машине поехала в свою квартиру в Красногорске. Она оставила там часть вещей, которые брала с собой в командировку во Владивосток, и на машине же отправилась в Москву, на квартиру своих покойных родителей в Романовом переулке.

Дарья Юдина в свои тридцать пять уже была боссом. По самым скромным ее расчетам примерно через год ей светило место старшего аудитора Счетной палаты, а в будущем, как знать, возможно, и кресло министра экономики.

Ее отец Олег Юдин был министром финансов в правительстве «реформаторов». Конечно, много лет с тех пор прошло, и отец давно уже на Кунцевском кладбище упокоился, и мать умерла два месяца назад. И эта вот родительская шестикомнатная квартира в правительственном доме в Романовом переулке теперь числится за ней, Дарьей Юдиной. И своя жизнь летит, как на парусах, – Финансовая академия, два года учебы в школе бизнеса в Лондоне, специализация на финансовых сделках с предметами искусства, год стажировки в администрации аукциона «Сотбис», работа в Министерстве финансов в Москве, работа в финансовом управлении аппарата правительства.

И вот новый поворот карьеры – Счетная палата, должность: ведущий эксперт по финансовым вопросам при главном аудиторе. Жизнь, расписанная на месяцы вперед. Командировки, ответственные поручения, генеральные проверки исполнения статей бюджета, целевого использования средств и законности расходов. У нее была железная хватка и мозги, как компьютер, – это Дарья всегда знала о себе сама. И она гордилась собой.

В квартире родителей, а теперь ее собственной, в Романовом переулке, где жили все эти красные маршалы и командармы, Дарья скинула плащ в огромной прихожей с лосиными рогами над большим электрическим камином с антикварными часами. Аккуратно поставила сумку с багажом в шкаф – потом домработница разберет все, что в чистку, что в стирку. И пошла в ванную. О горячем душе она мечтала всю дорогу из аэропорта в Красногорск, в этот идиотский зооотель.

Кот Маркиз сдох. Наконец-то! Персидский, страдающий ожирением, глухой придурок – любимец матери уже никогда больше не будет встречать ее у порога, мяукая басом и требуя кормежки.

Кот Маркиз достался ей в наследство вместе с роскошной квартирой, мебелью, материнскими бриллиантами, картинами, этими вот уродливыми лосиными рогами в прихожей и всем, всем, всем, что входило в имущество бывшего министра финансов, слишком рано умершего от рака, чтобы превратиться в миллиардера.

О том, что отец ее, занимая такую должность, так и не стал олигархом, Дарья Юдина не жалела. А бывший муж вообще был не способен ни зарабатывать, ни работать, лишь мотаться по ночным клубам, снимать девок, летать на выходные в Майами и жрать наркотики. Дарья выдержала хаос супружества недолго и послала мужа к черту. Он мог стать помехой в большой карьере. Все прочие помехи Дарья давно устранила из своей жизни.

А вот кот Маркиз... О, эта тварь достала ее почище бывшего мужа! Оставлять его в квартире было сущей мукой. После смерти матери кот... нет, бросьте, коты этого не понимают... Как он мог догадаться, что его прежняя хозяйка умерла в больнице, не приходя в сознание? Ни черта он не понял, такое котярам недоступно. Однако после смерти матери он резко изменился – обычно аккуратный по жизни, он напрочь забыл дорогу к своему кошачьему туалету.

И делал свои дела, где хотел. Домработница постоянно металась по квартире с тряпкой, порош-ком и пятновыводителем. Пару раз, улетаая в командировки, Дарья оставляла Маркиза и дом-работницу наедине. Из этого ничего путного не вышло – лишь грязь и вонь.

И тогда она решила сдавать кота на передержку в кошачью гостиницу – пусть там за ним дерьмо убирают.

И вот наконец-то она от него избавилась. Какой-то доброхот постарался – подсыпал этому толстому говнюку стрихнин!

Стоя под горячим душем в ванной, наполненной паром, Дарья Юдина напевала веселую мелодию.

Потом вытерлась насухо, закуталась в чистый махровый халат, прошлепала босыми ногами на кухню, достала из холодильника мятный сироп, лимон, извлекла из бара бутылку рома и сделала себе свой фирменный юдинский мохито.

Смакуя коктейль, она размышляла о том, что ей предстоит на следующей неделе. Во-первых, отчет о состоянии дел во Владивостоке. А затем эта новая проверка, о которой они разговаривали с главным аудитором накануне командировки.

– Потребуется весь ваш немалый профессиональный опыт, Дарья Олеговна, и ваш такт. И одновременно ваша твердость и смекалка настоящего профессионала, которому не надо ничего разжевывать буквально, а стоит лишь намекнуть. Мы действуем в рамках закона и про-веряем целевое использование средств. Но это не министерство и не банк, это более тонкая материя. Поэтому, учитывая ваш опыт стажировки в менеджменте такого аукциона, как «Сот-бис», я принял решение поручить эту проверку вам.

Вот так же веско и многозначительно разговаривали с ней, поручая в прошлый раз про-верку бюджетных расходов на реконструкцию Большого театра. И она с этой работой прекрасно справилась.

Ну что ж, а теперь этот вот Музей. Музей, как всегда именует его *он*, тот, кто больше не хочет ее знать. Тот, кто порвал с ней все связи.

Дарья залпом выпила остаток мохито.

Финансовая проверка реконструкции Большого театра была первой ступенью к креслу старшего аудитора. Эта вот новая большая работа – ступень вторая и последняя. Музею испол-няется сто лет, и, естественно, в год такого юбилея никто не желает никаких недоразумений. Поэтому призывают ее, кристально честную, с немалым опытом, железной хваткой и умом. Она проведет эту проверку с блеском, и если всплывут какие-то нужные факты по поводу при-обретения коллекции... той самой спорной коллекции, о которой шла речь в кабинете главного аудитора, она их задокументирует, не бросив ни на кого ни малейшей тени. Сделает все так, как от нее требуют. Просто вспомнит, что необходимо, что сквозило между слов в том разговоре.

Она это умеет, она постарается.

Продолжая напевать про себя, Дарья собрала ставшие ненужными в квартире – пласти-ковую миску для корма, поилку, наполнитель для кошачьего туалета, щетку, полную шерсти, когтеточку, байковое одеяльце и коврик-подстилку, еще хранившие запах кота Маркиза, и с наслаждением спустила все это в мусоропровод.

Холодильник полон, домработница накануне закупила, как обычно, все продукты по списку. Но даже омлет готовить Дарье Юдиной после многочасового ночного перелета было лень. Она оделась в джинсы и ветровку и отправилась на улицу. В «Романов-синема», что как раз напротив ее дома, на первом этаже – отличная итальянская trattoria. Там Дарья и решила позавтракать... нет, уже, пожалуй, пообедать в этот солнечный майский воскресный день. Она часто обедала одна в кафе в выходные. Одиночество не пугало ее, порой угнетало, но она умела с этим справляться. Вот уже пять лет, как у нее не было мужчины, не было любовника, на романы и даже обычный секс просто не хватало времени, работа, карьера съедали все без остатка. Когда плоть, тело требовало свое, когда хотелось чуть ли не до смерти, Дарья брала

с полки в ванной вибратор и забиралась с ним в постель. Но сегодня, усталая после самолета, она желала лишь одного – сытно, вкусно поесть, а затем завалиться спать.

Никаких траурных панихид по коту Маркизу.

Все предать забвению. Как говорится – прах к праху.

Дарья Юдина гордилась своими талантами, в частности – умением все помнить. Но некоторые вещи... да, некоторые эпизоды она приказывала себе выбросить из памяти навсегда.

Глава 6

«Порося с хреном васabi»

«Дядя Коля» – отец «задолбыша», с которым взбешенный лейтенант Миронов так и не удосужился познакомиться Катю, в обычной жизни именовался Николаем Григорьевичем Тригорским.

День его после утреннего неприятного инцидента прошел нормально, без эксцессов.

Николай Григорьевич Тригорский работал на двух работах – на одной сутки через двое, на другой – сутки через трое. Однако сегодня – воскресенье, выпал, что называется, «обоюдный» выходной. Николай Григорьевич посмотрел футбол по телевизору, убрал, пропылесосил квартиру – всю, за исключением комнаты сына, и с пяти часов занялся приготовлением молочного поросенка, которого он планировал запечь в новой духовке как раз к ужину, к возвращению сына с работы.

Без четверти восемь по квартире разносился бесподобный аромат воскресного жаркого. А Николай Григорьевич с нетерпением поглядывал на часы. Сын с работы являлся в восемь. Там в Москве музей от метро в двух шагах, одна пересадка, ну если на конечной станции автобуса подождать, вот и получается – 20.00.

В одну минуту девятого раздался снизу звонок домофона. Сын Михаил... сам он предпочитал именовать себя Майк, но Николая Григорьевича это возмущало. Какой, к черту, Майк – Михаил, Мишка – самое русское имя. Николай Григорьевич нажал на кнопку домофона и ждал, пока сын поднимется на лифте и отопрет дверь своим ключом.

Взрослый... взрослый мужик уже, работает, а ключи от квартиры постоянно теряет.

Но в этот раз сын ключа своего не потерял. Отец смотрел, как тот снимает ветровку и кроссовки в прихожей.

– Здравствуй, папа.

– Здравствуй. Как на работе?

– Как обычно. Ой как вкусно пахнет! Это гусь?

– Порося, – Николай Григорьевич смотрел на сына.

Высокий вымахал. Волосы длинные. Постричь бы не мешало аккуратно, коротко на армейский манер. Можно, конечно, приказать: марш в парикмахерскую! Но уж больно хороши волосы – густые, светлые, как лен, мягкие такие. И ему идет даже – что-то этакое старославянское, былинное сразу на ум приходит.

Нет, ладно, пусть ходит обросший, длинноволосый. Предки наши тоже особо-то не постригались, ремешком на лбу кудри прихватят, вот и хорошо.

– Ты зажарил поросенка? – спросил сын.

– Воскресенье, – Николай Григорьевич усмехнулся. – День божий, людям на радость.

Гуся и поросенка привезли из Твери приятели отца по городскому фонду «Правопорядок в действии. Помощь правоохранительным органам». Угостили от души.

– Мой руки, и за стол. Да... перед тем как ужинать... нет, после. После ужина...

– Что, папа? – сын шел в уборную.

– Ты не убирался в своей комнате. И я не стал там убирать, пылесосить. На полу вещи раскиданы, грязные носки.

– Я торопился, боялся опоздать на работу.

– После ужина все приберешь. Чтоб был идеальный порядок.

Идеальный порядок... эта фраза – любимая у Николая Григорьевича Тригорского. Он порой повторяет ее по десять раз на дню – и на первой своей работе, и на второй – подработке, и

в кругу товарищей – бывших военных и казаков из столичного объединения казачества. И всегда эта фраза к месту по делу.

Должен быть идеальный порядок.

Установим идеальный порядок.

Идеальный порядок – это первоначально.

Когда-то давно эту фразу Николай Григорьевич повторял и своей жене. Но жена ушла от него, едва лишь сыну Мише исполнилось тринадцать. И с тех пор в семье Тригорских про нее не упоминали.

Пока сын плескался в душе, Николай Григорьевич открыл новенькую электрическую духовку и извлек противень с жареным поросенком.

Какая же красота!

И создал же господь такую красоту – жареного поросенка!

Из холодильника Иван Григорьевич достал пакет виноградного сока и клюквенный морс. Спиртного он не употреблял. Даже пива в рот не брал. Товарищи по фонду, знакомые на работе удивлялись – как такой здоровый мужик совсем это дело не уважает?

– Уважаю, – отвечал Николай Григорьевич. – И всегда хорошую компанию поддерживаю. Но свое я уже выпил. У меня сын взрослый.

Михаил... нет, все же привычнее для него имя Майк Тригорский никогда не видел своего отца не только пьяным, но даже выпивши. Да и сам, глядя на отца, никогда не испытывал желания купить в магазине и «высосать» до дна банку пива.

В маленькой кухне за накрытым столом царили оживление и возбуждение.

– Хорош? – спросил отец, кивая на противень с «поросенком».

– Вкусный, с корочкой, пап, да?

– Прожарился ли, я его на три часа на 180 градусов ставил. А внутри-то знаешь что? В брюхе-то?

– Кишки. – Майк Тригорский налил себе морса и сел за стол.

– Каша гречневая. Самая что ни на есть правильная солдатская, походная еда. Каша, сынок, жиром свиным пропиталась. Сейчас язык проглотишь. Ну, откуда поросенка начнем – с жопки или с головы?

Тут надо заметить, что Николай Григорьевич никогда не ругался при сыне матом. Вообще дома бранных слов не употреблял. Но слово «жопа» было его любимым крепким словом – он даже доказал это со словарем: литературное слово, сам Лев Толстой его в книге употреблял. Значит, можно.

Часто, когда они смотрели по вечерам телевизор с сыном, Николай Григорьевич изрекал:

– Наворовал, а теперь интервью раздает, жопа толстая.

Или:

– Все поет, старуха, ей в гроб ложиться пора, а она все на эстраде жопой вертит.

Или:

– Тоже мне мода, девки совсем раздетые, жопу уже прикрыть нечем стало.

– С головы, пап, – Майк Тригорский разглядывал жареного поросенка, переложенного отцом на большое блюдо.

Николай Григорьевич выскреб ложкой из брюха поросенка ароматную, истекающую жиром гречневую кашу, разложил по тарелкам. Затем достал из ящика разделочный нож и одним мощным ударом обезглавил поросенка.

Бац!

– Слушай, совсем забыл, а ты хрен купил?

– Да, возле метро в магазине. Подожди, сейчас.

Майк слетал в прихожую – только льняные волосы развеивались по плечам и выставил на стол баночку с хреном.

Николай Григорьевич глянул на нее и нахмурился.

– Почему хрен зеленый?

– Это васabi, пап.

– Я тебя спрашиваю, почему хрен зеленый?!

– Это же васabi, японский хрен, он такой и должен...

– А что, русского хрена в магазине нет, что ты японский покупаешь?

– Да он же тоже русский, вот смотри, у нас изготовлен, то есть не у нас, а в Белоруссии.

Николай Григорьевич сгреб баночку и придирчиво стал разглядывать этикетку. Убедившись, что сын не лжет, отвинтил крышку.

– В следующий раз бери со свеклой.

– Хорошо, папа.

Николай Григорьевич рассек головешку пороса разделочным ножом – точнехонько по середине пяточка и положил порцию сыну, отрезал еще прожаренной мякоти с бока.

– Вкусно, папа!

– Вот и хорошо, что вкусно, сынок. Между прочим, сегодня утром приходил к тебе...

– Кто?

– Ну этот... *задолбьш*... Миронов. Опять двадцать пять.

Майк Тригорский перестал жевать, уставился на отца.

– Ты бы, сынок, уладил с ним эту вашу... уж не знаю, как и назвать... неприязнь что, ли, – Николай Григорьевич жевал с аппетитом. – Все же вы росли вместе. Сопляками бегали.

– Пап, я...

– Он теперь фуражку надел, властью облечен, – Николай Григорьевич прищурился. – Разговаривать как стал, сопляк... Ты бы уладил с ним, Миша. А то он того...

– Что?

– Он этого дела так не оставит.

Майк опустил голову. Длинные льняные волосы упали на лицо. Николай Григорьевич положил себе еще кусок «пороса». Потом зачерпнул из баночки ложкой хрена «васаби», попробовал и покачал головой.

Едрена-матрена! Горлодер... японский бог...

В приправах он всегда ценил остроту. Это как-то помогало не воспринимать окружающий мир до отупения пресно.

Глава 7

Жизнь седьмая, очень приличная

Василиса Одоевцева провела с безутешной Верой Вадимовной Сурковой почти весь этот скорбный день. Вечером она передала приятельницу с рук на руки другим членам клуба «Планида кошек» и, сказав, что ей надо кормить своего кота, ушла домой.

Жила она в однокомнатной квартире в двух кварталах от «Приюта любви». Квартира досталась Василисе Одоевцевой от продажи и дележки их старой прекрасной семейной квартиры в самом центре Москвы после ее многочисленных разводов.

Кот Бенедикт скрашивал ее скучный быт.

Василиса всегда задавалась вопросом, почему котов часто именуют так по-дурацки? Вот ее – Бенедикт, а братья у него – Бальтазар и Барни. Все дело в том, что это клубные существа, племя «Планеты кошек» из породы экзотов. Раздача имен клубным котяткам – это совершенно особое и очень серьезное дело. Вот, например, Бальтазар, он не просто Бальтазар, он Третий. Правда, четвертого в роду уже не появится. Кота Бальтазара кастрировали, и он выпал, так сказать, из племенной работы «Планеты кошек» резко и насовсем.

Сохранившая великолепную фигуру и царственную осанку в свои шестьдесят лет Василиса Одоевцева в прошлом жила весело и широко. Временами даже очень богато. Первый муж ее был известнейшим в Москве коллекционером предметов искусства и по совместительству скупщиком краденого. Он получил семь лет колонии, и Василиса – тогда еще юная прекрасная топ-модель Дома моды на Кузнецком Мосту, с ним моментально развелась. Карьера модели складывалась удачно, и отбоя от поклонников не было. Дом моды на Кузнецком Мосту процветал. Василиса даже ездила несколько раз в Париж, когда Пьер Карден решил развивать свой модный бизнес в России.

Она хотела выйти замуж в Париже за француза и остаться за бугром, но с Парижем романа не вышло.

Однажды на показе мод стран Варшавского договора она познакомилась с польским художником. И пан Воротынский влюбился в нее без памяти. Он был такой страстный, такой настырный и увез ее в качестве своей жены в Краков. И Василиса оставила карьеру модели в Доме.

Муж хорошо зарабатывал в польском кино, которое как раз переживало в конце семидесятых небывалый взлет. И жили они несколько лет очень даже счастливо.

А потом в Польше началась борьба за Солидарность. И Василисе Одоевцевой стало как-то неуютно среди своих милых польских друзей. На всех вечеринках, на всех воскресных обедах, пикниках, в барах и в кафе стали пить за Великую Польшу и за гибель Советского Союза – Большого Брата. По воскресеньям чуть свет все зачастили в костел.

Василиса, по молодости существо легкомысленное и праздное, сначала все это пропускала мимо ушей, порой даже смеялась. Но муж ее пан Воротынский на все ее насмешки багровел лицом. И тогда Василиса стала вникать в смысл всех этих польских речей и подавать свой голос.

Как же так? Мы, русские, теперь плохие, никудашные, а кто вас, поляков, от Гитлера спас? Кто Краков – город прекрасный, где мы все теперь так дружно живем, фашистам не позволил взорвать? Кто спас ваше восстание? И вообще, кто выиграл войну, кто у вас тут все после войны построил?

Через полгода Василиса поняла, что брак лопнул, как воздушный шарик. И причины этого – чисто идейные, политические, хотя на политику ей всегда было плевать.

Она собрала вещи и вернулась в Москву. Какое-то время она еще работала в Доме моды, потому что модельерам нравился ее польский заграничный лоск. Отчаянно следила за собой, сидела на диетах, занималась йогой. Но вскоре с работой модели все же пришлось расстаться.

Затем она еще дважды выходила замуж. Потом имела поклонников, которые великодушно содержали ее. И жизнь шла, шла...

И подкралась старость, то есть, простите, еще не старость, но уже преклонные лета.

Пожив в Польше, она оценила, что такое – жить дома. Здесь все – приятельницы, бывшие любовники, ставшие стариками, досужие сплетни, воспоминания о прошлом, могила родителей, здесь Москва, вот она, рядом с Красногорском. Ее убивала лишь пенсия! Разве можно существовать на эти гроши?

И Василиса пошла работать сразу на две работы. В музей на полную ставку смотрительницей залов. А в свои выходные дни, выпадавшие всегда на понедельник (день, когда музей закрыт) и либо вторник, либо воскресенье, она подрабатывала волонтером... ах, простите, если уж совсем честно, уборщицей в зооотеле «Приют любви».

Убирать за кошками, которых она обожала с детства, она не гнушалась, нет. К тому же кот – экзот Бенедикт Третий – очень дорогой, чистопородный, достался ей благодаря протекции подруги Веры Сурковой практически бесплатно.

Но главная работа была все же в музее, и она ее очень ценила. Там все время на людях – подтянутая, стройная, на высоких каблуках, с прической... у нее в коллекции с прошлых времен бездна прекрасных париков, отлично, со вкусом покрашенная, ловящая на себе взгляды мужчин. Пусть в музей мужики и не великие ходоки, но зато те, кто приходит, всегда очень интересные экземпляры. И потом, такая интеллигентная атмосфера! А когда зимой музей устраивает свои знаменитые музыкальные декабрьские вечера, вообще такая публика собирается – просто чудо. Имелось и еще одно обстоятельство, своеобразный магнит. Быть может, последний шанс в жизни избавиться от постылого одиночества. Вновь ощутить себя женщиной, желающей нравиться, наряжаться. Когда Василиса размышляла об этом обстоятельстве, когда думала о *нем*... о том, о ком так страстно мечтала в последнее время, сердце ее прыгало в груди. Казалось, молодость никуда не делась, счастье... оно, как солнце... немного солнца в холодной воде, помните?

Кот Бенедикт все это видел и великодушно прощал своей хозяйке эту суетность, эту радость, эту жадность впечатлений и маленьких развлечений и то, что она часто оставляет его одного в душевной квартирке. Он вел приличную размеренную комфортную жизнь домашнего любимца, пусть и кастрата, но окруженного великой заботой и лаской.

Он ждал ее всегда у входной двери, шурясь, слушая – чу! Сейчас загудит лифт, и хозяйка Василиса снизу вознесется на девятый этаж, откроет дверь квартиры и скажет:

– Ах ты мой масенький, мой толстик, мой хитрый обжора, заждался меня... сейчас, сейчас... сейчас, сейчас, сейчас...

Василиса, вернувшаяся домой после этого жуткого скорбного дня, отперла дверь и, не раздеваясь, начала гладить кота, метнувшегося ей под ноги тугим шерстяным клубком.

Она почти пела, повторяла на разные лады: сейчас, сейчас, сейчас...

Кот в блаженном экстазе терся об ее длинные худые ноги топ-модели.

Василиса вытащила из холодильника банку кошачьих консервов. Глянула на крышку – куриная печенка, ну что ж...

Плюхнула еду в кошачью миску – налетайте, пан Бенедикт.

Потом они сидели на диване, обнявшись – донельзя довольные друг другом: сытый толстый кот и его изящная хозяйка, грызущая по старой модельной привычке вместо полноценного ужина лишь диетическую галету со стаканом обезжиренного молока.

Василиса звонила по телефону своей приятельнице Арине Павловне Шумяковой. Та тоже работала в музее смотрительницей, и воскресенье было ее рабочим днем. Но она уже вернулась с работы и дремала перед телевизором.

– Ариша, что я тебе расскажу. У нас тут такой ужас в Красногорске. Хорошо, что ты на выставку кошек вырваться не смогла, а то бы точно инфаркт заработала. Их всех прикончили!

– Кого? – Арина Шумякова ничего не поняла, но судя по голосу, встревожилась.

– Кошек! Всю «Планету» одним махом вырубili окончательно и сразу. Погоди, погоди, я тебе все по порядку. Ты сидишь или стоишь там? Лучше сядь. А то у тебя нервы слабые, а у нас тут просто массовое истребление, понимаешь? Настоящий геноцид.

Глава 8

Неугомонная Анфиса

Телевизионщики довели Катю до самого ее дома на Фрунзенской набережной. По дороге она молча и быстро накатала на ноутбуке статейку-отчет об открытии этого нового отделения полиции, присоединила фотографии, сделанные телевизионщиками, скачав их с флешки камеры, и отправила по электронной почте в «Криминальный вестник Подмосковья».

Дома она кинула сумку в прихожей, сбросила лодочки на шпильке и без сил опустилась на диван. Воскресенье... вот так съездили, называется, в район. От хорошего настроения – одни клочки-оборвыши...

Она смотрела в темный телевизор, как в черный квадрат. Потом встала и машинально начала переодеваться. И тут в домофон раздался энергичный сердитый звонок.

Ага, Анфиса – подружка, мы же договаривались...

Катя нажала на кнопку домофона, и, распахнув дверь квартиры, ждала, когда Анфиса явится.

И та явилась – пылая досадой и праведным гневом.

– Привет, – кротко сказала Катя, запуская ее внутрь, в недра квартиры.

– Я просто не знаю, что я с тобой сейчас буду делать, – зловеще пообещала Анфиса.

Низенькая, полная, круглая, как шарик, она покраснелась, темные кудрявые волосы ее рассыпались по плечам.

– Анфиса, прости, я немножко опоздала.

– Она опоздала! Это ты называешь «немножко опоздала»?!

– Я же сказала, что с утра в районе. Ты что, на улице ждала, во дворе? Ты бы позвонила, мы бы тебя по пути из дома забрали.

– Из какого дома, в каком дворе? Катя, ты что? Ты вообще помнишь, что мы встретиться договаривались сегодня утром? В одиннадцать?!

– Естественно, помню, – Катя энергично закивала. – Я, правда, слегка опоздала, ну прости.

– А где мы встретиться договаривались, это ты помнишь?

– Дома у меня, то есть... нет, ах ты черт... ну конечно!

– В нашем кафе на уголке, вот мы где встретиться договаривались! В одиннадцать часов, а сейчас два!! – Анфиса погрозила телевизору кулаком. – Это ты виновата, что у меня ожирение второй степени. Вечно ты так. С тобой договариваешься встретиться в кафе, а ты не приходишь. А я все наказывала на двоих. И что мне остается? Я начинаю есть, как молотилка, – Анфиса подбоченилась. – Пока тебя жду, гдетытамбродишь... я все до последнего пирожного съедаю. А в результате, вот, ты глянь – эти бока, весь этот жир, вся эта задница стокилограммовая – это все твоя вина!

Как все полные люди, толстушка Анфиса обожала винить в своей страсти к сладкому и пирожным кого угодно – только не себя.

– Это все ты виновата, что я жиртрест. На меня и так мужики не смотрят, а ты еще подстрекаешь меня все больше и больше есть.

Тут Анфиса лукавила – мужчины на нее смотрели, и даже очень. Только определенная категория. И эта категория не совпадала с идеалом самой Анфисы Берг ну никак. Ей всегда нравились высокие спортивные поджарые брюнеты и блондины лет тридцати в хорошо сшитых костюмах из дорогого магазина и с чувством юмора. А вот сама она своими пышными формами производила просто убойное впечатление на дядек лет этак за пятьдесят – лысых, солидных, толстых, громогласных и простых, без всяких там заграничных фишек и закидонов.

Катя много раз советовала Анфисе сменить, так сказать, свои приоритеты и поласковее взглянуть и на пятидесятилетних дядек тоже. Многие из них – большие начальники и вообще люди умные, прожившие жизнь и ценящие в женщине именно ее плодородное женское естество.

Но Анфиса лишь вздыхала. И снова, если на ее пути попадался молодой, длинноногий, спортивный, в джинсах и на мотоцикле, теряла из-за него голову.

Влюблялась без памяти, а потом ревела на Катином плече из-за неразделенной любви.

– Анфиса, прости меня. Я про кафе наше совсем забыла. Я в Красногорск ездила. Там дело тошнотворное.

Анфиса сразу перестала разоряться.

– Что за дело? – спросила она.

И Катя рассказала про массовое убийство в «Приюте любви».

– Не человека убили. Это кошки... но до такой степени страшно там и... жалко их... Как вспомню, – Катя покачала головой, – что-то запредельное просто.

Анфиса выслушала молча и обняла ее за плечи.

– Прими-ка ты душ, подружка, – сказала она. – Смой все, всю эту мерзость. От ужасных воспоминаний и дурных мыслей очищаемся водой и крепким свежим чаем. Я сейчас заварю.

Потом они сидели на кухне.

Горячий чай Катя пила жадно. А вот есть после «Приюта любви» не могла.

Анфиса тоже не ела – за компанию.

– Ладно, – сказала она. – Найдут они там в Красногорске этого живодера. Раз уж у них подозреваемый уже есть. Найдут и посадят. А тебе надо встряхнуться. Эй, слышишь меня? Тебе нужно встряхнуться. Можешь взять отгул?

– Могу, – Катя кивнула. – У меня есть. Что, хочешь поехать куда-нибудь?

– Мы не поедem, а пойдем с тобой. И проведем самую незабываемую, самую волшебную ночь в нашей жизни. О которой долго, очень долго потом будем помнить.

– И где же мы проведем такую ночь? В СПА-отеле?

– В Музее на Волхонке.

– Шутишь, Анфиса.

– Я шучу? – Анфиса улыбнулась. – Да ты не представляешь, какой это проект. И он целиком мой. А ты будешь мне помогать. И эта ночь станет сказкой.

– Я не понимаю. Музеи на ночь закрываются.

– Ты про Ночь музеев слышала?

– Конечно. Но это ведь шоу, – Катя пожала плечами. – И потом, там всегда толпы народа. И в полночь всех вон все равно вытurlивают.

– У нас не будет никаких толп. И вся ночь – от заката до рассвета в музее – наша.

– Анфиса, ты, кажется, гредишь.

– Я грежу? Да все уже на мази. И разрешение на ночную съемку есть, и все обговорено, все бумаги подписаны. Музеем на Волхонке сто лет. И в год столетия музей открывает свои двери в Ночь музеев.

– Да туда не попадешь, ты что, все туда ринутся, вся Москва.

– Это будет ночь лишь для нас, – Анфиса, словно фея из сказки, взмахнула пухлой ручкой. – Для меня, для тебя, ну и для персонала тоже. Никаких посторонних, никаких зевак. Они будут делать репетицию Ночи музеев, понимаешь? Смотреть, как у них там все отлажено и функционирует. С закрытия и до рассвета. А я... мой проект так и называется: Век музея. Фантомы и легенды ночи. Нет, ну ты скажи, разве это не грандиозно?

– Это классно, Анфиса!

– Нет, ты скажи честно: разве никогда тебе не хотелось побродить по музею ночью? Свет мягкий, такой зыбкий... верхние огни потушены... и все эти картины и статуи, которые смот-

рят на тебя... Итальянский дворик... Микеланджело... Эти греческие фризы... Египетский зал... Катя, там ведь мумии настоящие!

– Неужели они согласились пустить тебя ночью на съемку?

– Не только согласились, но и не чинят никаких препятствий. Обычно съемка в музеях запрещена. Но это же столетний юбилей. А в музее такая аура... там такие легенды... столько всего про эти залы рассказывают, и страшного тоже. Я предложила им свой проект. И они сразу согласились, представляешь? Старший куратор отдела личных коллекций Виктория Вавич видела мои фотоработы в галерее на Гоголевском, оказывается. Вот повезло-то мне!

– Та выставка про Север? – спросила Катя.

В галерее на Гоголевском Анфиса выставяла свои фотоработы после поездки на Север – в Архангельск и на Новую Землю.

– Ага.

– Ну, тогда ничего нет удивительного, что она хочет поручить тебе эти самые фантомы и легенды ночи, – сказала Катя. – Та выставка про Север была такая... ах, Анфиска, у тебя огромный талант, ты художник!

– Хорош подлизываться, – Анфиса встала и распахнула холодильник. – Ку-ку, сезам! О, у тебя тут есть чем перекусить! Я уже опять проголодалась. Значит, решено, ты берешь отгул, и мы с тобой чешем на всю незабываемую ночь в музей.

– В какой день мне брать отгул? – спросила Катя.

– В среду.

Глава 9

«Проклятая коллекция»

За рулем своего «Лендровера» Юсуф Ниязов чувствовал себя всегда уверенно и раскованно. Однако пробка, растянувшаяся по всем московским бульварам, начала уже действовать ему на нервы.

Он обожал быструю езду. А в центре столицы какая уж быстрая езда. К тому же он не имел привычки опаздывать. Ему назначено на пять часов. Виктория-ханум так сказала по телефону: приезжайте в пять, Юсуф. И привезите с собой свой комплект документов, пожалуйста. Дарственную, опись и копию завещания. Все это снова необходимо представить, ибо в нашем музее – проверка.

Вот это слово «ибо», которое Виктория-ханум употребила, заставило Юсуфа улыбнуться. Хотя улыбался он редко.

В основном усмехался. И те, кто видел его усмешку, часто вообще сожалели, что судьба столкнула их лицом к лицу с Юсуфом Ниязовым.

С шестнадцати лет Юсуф состоял при особе Ибрагимбека Саддыкова, более известного в определенных столичных кругах как Узбек.

Сначала мальчишкой на посылках, прислугой, затем после нескольких лет, проведенных на тренировочной базе в горах Пакистана, где учили всему – стрелять, убивать, взрывать, водить «Лендровер», БТР и вертолет, а также говорить по-английски, по-арабски и по-русски, личным телохранителем Ибрагимбека. Затем – доверенным лицом, которому поручались самые важные и щекотливые поручения. А теперь вот – душеприказчиком, исполнителем последней воли покойного господина, мир его праху.

Мимо машин, застывших в пробке, по Тверскому бульвару промаршировал целый батальон дворников в синих комбинезонах и оранжевых жилетах с метлами наперевес. Юсуф узнал дражайших соотечественников.

Сколько раз, встречая поезда из Ташкента на Казанском вокзале, он видел их – своих соотечественников, именуемых в столице гастарбайтерами. Среди них набирались новые люди не только в цех московских дворников и разнорабочих, но также и на службу к Узбеку.

С этими приезжими Юсуф никогда особо не церемонился. И внушал людям жестко, что служить Узбеку... нет, уважаемому, досточтимому Ибрагимбеку – великая честь и привилегия. Официально Узбеку принадлежали в столице два торговых центра, гигантский вещевой рынок, сеть ресторанов, сеть химчисток, сеть букмекерских контор, продуктовые магазины, несколько дешевых гостиниц и бессчетное количество квартир и домов, сдаваемых в аренду.

Неофициально – многое другое.

А для души и для славы Ибрагимбек Узбек собирал предметы искусства.

Юсуф помнил тот разговор в холле президентского люкса в отеле «Интерконтиненталь» в Бейруте. Холл – огромный, застеленный алыми персидскими коврами, в мягких белых диванах и креслах можно утонуть, кондиционер струит приятную прохладу в знойный ливанский полдень, когда панорамные окна закрыты ролл-ставнями, а все бумаги на коллекцию уже подписаны – вот они на низком столике, инкрустированном слоновой костью.

Ибрагимбек говорит негромко, и в голосе его восторг и горечь.

– Мой дед мотыжил землю, мой отец сажал помидоры и собирал хлопок на колхозных полях. Сколько я этого хлопка насобирал на этих же бескрайних полях мальчишкой. Мы в школе учились только зимой, а весной и осенью работали на полях, потому что рук не хватало в совхозе. Я плохо образован и всегда из-за этого переживал. Я пишу безграмотно, с ошибками. Я не знаю языков, не знаю истории, путаюсь в географии и в счете. Но я верю в то, что Аллах

милостив ко мне. И не даст мне умереть вот таким, несовершенным, какой я есть. Он возвеличит меня и позволит моему имени остаться в веках. А что делает имя человека бессмертным? Дети? Я щедро раздавал свое семя женам и женщинам, которые этого хотели. У меня одиннадцать детей. И все они получают наследство после моей смерти. Это означает, что все, что я нажил, будет растрчено и обратится в дым. Так что же делает имя человека бессмертным?

– Слава, – отвечал своему патрону верный Юсуф.

– Тебя, мой мальчик, я бы назначил своим единственным наследником, и ты бы построил мне мавзолей в пустыне. Я знаю, ты бы построил. Но ты не моя кровь, Юсуф. А значит, верно... остается лишь слава.

Ради будущей славы в течение последних десяти лет Ибрагимбек собирал предметы искусства. Разные коллекции – все, что удавалось купить на всемирно известных аукционах гласно, а также негласно у торговцев древностями.

Большую коллекцию предметов исламского искусства он пожертвовал музею в Ташкенте.

Семья – вся его огромная семья, весь клан Саддыковых – жены, тетки, дядья, дочери и сыновья... особенно взрослые сыновья, возражали. Яростно возражали – как так, такие деньги вложены во все это, миллионы долларов, и вдруг отдать в дар музею?!

Но Ибрагимбек разогнал их, как взбесившихся псов. И объявил, что следующую коллекцию предметов искусства он передаст российскому музею.

Он хотел славы, этот человек, – не только на родине в Узбекистане, который давно уже стал ему тесен. Но и в России, в Москве, где размещался основной его бизнес – как легальный, так и теневой.

В определенных кругах Ибрагимбека... то есть, Узбека знали как крестного отца узбекской мафии. И никто не делал из этого тайны – ни СМИ, ни полиция. И относились к нему соответственно. Один из богатейших людей, Москвы он ни разу (!) не был приглашен ни на какое торжественное официальное мероприятие.

И вот это его задевало до крайности. И он хотел доказать, показать им всем, что он... о, он способен переступить даже через это и осчастливить этот заносчивый сытый богатый город. Преподнести ему в дар то, чего он никогда прежде не видел. Редкость. Диковину, которой нет цены.

И тогда волей-неволей его гордое имя Ибрагимбек Саддыков, а не какая-то там криминальная кликуха Узбек, будет у всех в этом городе на слуху.

Это и есть слава. А потом, позже, придет и бессмертие.

Но бессмертие... точнее, смерть пришла за Узбеком гораздо раньше.

Через три месяца после того, как он подписал все бумаги на приобретение этой коллекции.

Ее называли «Проклятой коллекцией» еще задолго до его рождения. И, видно, недаром.

Тогда в роскошном холле президентского люкса бейрутского отеля «Интерконтиненталь» Ибрагимбек лишь шутил по этому поводу – вот, пожалуйста, приобретаю коллекцию артефактов Древнего Египта. Ту самую, да, да... А история за ней какая тянется...

И последнему ее владельцу – министру МВД Египта в правительстве президента Мубарака – не повезло – повешен неизвестными на собственной вилле в разгар беспорядков во время так называемой Арабской весны. К счастью, до своей гибели успел бедняга подмахнуть все бумаги на продажу. И вот ведь мудрый человек – он никогда не держал эту коллекцию в Египте, где сделки с предметами древней истории запрещены законом, а вывоз их за рубеж грозит тюрьмой. Он всегда держал ее в банковских сейфах Швейцарии, а сделку по продаже провернул в Бейруте – открытом городе для всякого рода сделок.

В холле люкса, раскинувшись на мягком диване, Ибрагимбек любовно перебирал бумаги на столике, надев очки на нос, пробовал читать опись, но в конце концов попросил прочесть ее верного Юсуфа. И Юсуф зачитывал ему каталог «Проклятой коллекции».

А через месяц уже в Москве Ибрагимбек в присутствии нотариуса вносил изменения в свое завещание по поводу этой самой «Проклятой коллекции». Он настаивал, чтобы она именовалась во всех документах именно так – исторически, так сказать. Коллекция завещалась в дар музею на Волхонке.

А еще через два месяца холодным сырым мартовским вечером Ибрагимбек-Узбек валялся на мокром тротуаре с двумя разрывными пулями в теле. Ему разворотило грудную клетку. Он умер мгновенно. Его застрелили в самом центре Москвы, когда он выходил из восточного ресторана «Навруз».

Душеприказчиком и исполнителем его посмертной воли по завещанию был объявлен верный Юсуф.

Сразу после похорон хозяина, прилетев из Ташкента, он вызвал к себе лучшего московского юриста по сделкам с предметами искусства. И вместе они обратились в музей на Волхонке. Через три недели контейнеры с «Проклятой коллекцией» поступили в хранилище – так называемый дарственный отдел при Собрании личных коллекций.

Потом началось нудное оформление документов о передаче коллекции в дар. Юсуф поклялся, что не успокоится до тех пор, пока коллекция его хозяина и его имя не появятся в открытом доступе – в новой экспозиции музея.

Он верно служил Ибрагимбеку при его жизни. И собирался быть верным ему и после смерти.

Движение по московским бульварам медленно возобновилось. Словно на корабле Юсуф плыл по запруженным машинами улицам мимо ярких витрин.

Затем свернул у «Кропоткинской» на Волхонку. И увидел белое здание музея с античными колоннами.

Там его ждала Виктория-ханум. Мудрая, храни ее Аллах, женщина. Интеллигентная, образованная женщина. С отличными манерами. Она сразу понравилась Юсуфу своей вежливостью.

Таких людей он мало встречал по жизни. И как знать... если бы Узбек, остался он в живых, когда-нибудь – не приведи, Аллах, приказал бы убить и ее, как он в свое время приказывал убирать многих... Юсуф бы колебался и очень, очень, очень бы жалел милую, интеллигентную, вежливую Викторию-ханум.

Глава 10

Между верхним и нижним царствами

В час девятый, утренний, нежный, исполненный самых радужных надежд, когда двери музея еще не открыты для посетителей, в пустых залах, на мраморной лестнице, в сумрачном вестибюле у касс звучит музыка.

Запись со знаменитых Декабрьских музыкальных вечеров, которыми так славен музей.

Антонио Вивальди – концерт для скрипки.

Старший куратор отдела личных коллекций Виктория Феофилактовна Вавич пересекает сумрачный вестибюль и неторопливо поднимается по высокой лестнице.

Каждое утро в девять, за час до открытия музея, она делает свой первый полный обход.

И первое, на что обращен ее взор, – великая Ладыя Вечности бога солнца Ра, выплывающая словно навстречу вам, едва лишь вы попадаете в Египетский зал. Ладыя Вечности, плывущая из Нижнего царства в Верхнее, из смерти в жизнь.

Древнеегипетская фреска великолепна. И она подлинная.

– Ну как, девочки, настроение? – осведомляется Виктория Феофилактовна Вавич.

– Мы бодры, веселы, – отвечает ей смотритель Египетского зала Василиса Одоевцева.

Смотритель комнаты Мумий и саркофагов Арина Павловна Шумякова с улыбкой кивает:

– Доброе утро.

Обеим «девочкам» под шестьдесят. У Василисы – рост модели, и сегодня она в черном, как смоль, парике а-ля Клеопатра, в узкой черной юбке и черной водолазке с короткими рукавами, открывающей худые костистые руки, украшенные бижутерией семидесятых.

Арина Павловна Шумякова – ее коллега и приятельница – невысокая, крепко сбитая, с крашеными волосами, подстриженными в каре. Она тоже в темном платье. С тех пор, как умер ее брат, она все время в темной одежде, светлого на ней никто из сотрудников музея никогда не видел.

Вивальди терпко, властно пропитывает душное пространство музейных залов.

Виктория Феофилактовна неторопливо шествует дальше. Ей самой уже семьдесят пять. И выглядит она на свой возраст. Всегда одета она по моде шестидесятых, как английская королева, – костюм «Шанель», белая блузка и туфли на низком каблучке, но очень изящные. Волосы она до сих пор красит в цвет «темный шатен» и пользуется неброской помадой и румянами.

Всю свою жизнь Виктория Феофилактовна посвятила музею и никогда не выходила замуж. Но поклонников даже в свои семьдесят пять у нее по-прежнему много – старенькие академики, музыканты, поэты, дирижеры, художники-реставраторы и кураторы зарубежных музеев, с которыми она поддерживает тесную переписку по Интернету.

Залы экспозиций и залы открытых в музее выставок – это все Верхнее царство.

Залы хранилищ и запасники, реставрационные мастерские – Нижнее царство. А между ними – технические помещения – офисы, где работают сотрудники музея, кураторы, хранители коллекций, бухгалтерия, финансовый отдел, отдел по связям с общественностью и СМИ, отдел международного сотрудничества, отдел организации выставок, комната охраны с пультом, оснащенным камерами, и многое, многое другое.

Виктория Феофилактовна продолжает свой неспешный обход и заходит в Античный зал.

Слепки фриз Парфенона пора обрабатывать специальным составом от пыли.

В Итальянском дворике, чуть подустав, она останавливается, подходит к банкетке и садится, чтобы поправить и половчее надеть туфлю. Надо попросить Кристину купить в аптеке специальную антимозольную подушечку под пятку.

Микеланджеловский Давид – копия – прекрасный, могучий и бесстыдный в своей наготе, взирает сверху вниз на Викторину Феофилактовну.

Она поднимается, топает ногой в мраморный пол – нет, кажется, ногу больше не натирает, и отдает Давиду честь шутливо, но очень торжественно.

– Мы бодры, веселы. Да, мой мальчик?

Музыка Вивальди, льющаяся из скрытых динамиков и как-то по-особенному звучащая в Итальянском дворике, и там, в Белом зале, где и проходят порой Декабрьские вечера, сменяется музыкой Гайдна.

Что-то уж совсем торжественное, бравурное. Сейчас, сейчас, сейчас через пятнадцать минут музей распахнет свои двери.

И начнется новый обычный музейный день – первые посетители, небольшая очередь к кассе. Потом она вырастет. Появятся экскурсии, туристы из других городов. Иностранцы. Школьники с учителями, явившиеся в музей на урок прекрасного. Влюбленные, которые решили скоротать пару часов в музее, целуясь на банкетке в Античном зале, полном света и воздуха. Старушки-пенсионерки, у которых большая скидка на билет, ценительницы изящного. Старички с палочками и подагрой – те, у которых нет дач, одинокие, а может, вдовцы.

И самые обычные музейные ротозеи – любопытные, но мало сведущие.

Этих в основном как магнитом тянет в Египетский зал. И особенно в комнату Мумий и саркофагов.

Закончив полный обход, Виктория Феофилактовна спускается из Верхнего царства в Нижнее и продолжает исполнять свой долг куратора и там.

Но в Нижнем царстве свои порядки.

Затем наступает час открытия. Обычная суэта. Прибегает смотритель: какая-то очередная авария в туалете, срочно ищите сантехника!

Затем все устаканивается.

И Виктория Феофилактовна идет в свой уютный кабинет окнами на улицу Знаменку.

По пути она встречает куратора отдела Древнего Востока профессора Олега Гайкина. Высокий, обычно подтянутый, он сегодня как-то горбится и до странности рассеян.

– Неважно выглядите, Олег Олегович, – говорит Виктория Феофилактовна. – Не заболели?

– Насморк подхватил.

– Это в мае-то месяце? А все потому, что у вас в кабинете слишком сильный кондиционер.

– Возможно.

– Ну, так убавьте.

– Хорошо, я так и сделаю.

Голос у Гайкина низкий, всегда приятный уху. Но сегодня звучит как-то надтреснуто.

– Я скажу в секретарской, чтобы девочки принесли вам в хранилище крепкого чая. С мятой или ромашкой?

– Что, простите?

– Я спрашиваю, с мятой или ромашкой?

– А, да, спасибо.

Гайкин идет по коридору. Виктория Феофилактовна внимательно смотрит ему вслед.

В уютном кабинете, обшитом дубом, с огромным столом, заваленным бумагами, сумрачно, хотя за окном яркий день. Виноваты деревья – старые тополя, что растут за окном и бросают тень. В кабинете всегда горят лампы – желтые абажуры светятся изнутри мягко. Старинные бронзовые лампы – их отреставрировали, не меняли. Они помнят еще основателей музея. Как и дубовые панели на стенах и эти широкие мраморные подоконники.

В кабинете Викторину Феофилактовну ждет старший менеджер музея Кристина.

Кристине тридцать пять лет. И она больше похожа на даму из бизнеса, на бизнес-леди, а не на музейного сотрудника.

В дорогих очках без оправы, ловко оседлавших ее тонкий с горбинкой нос. Всегда в брючном костюме. Хотя в музее по негласному дресс-коду женщины-кураторы, руководство, хранители и смотрители залов брюк не носят.

У Кристины всегда в одной руке – пачка очередных документов на подпись, а в другой мобильный телефон или планшетный компьютер.

Она очень деловая. И у ее семьи – высокопоставленные связи выше и круче некуда.

Опираясь на эти семейные связи, она давно метит на место старшего куратора – то есть то самое место, которое занимает вот уже тридцать лет Виктория Феофилактовна. Однако никогда открыто своих притязаний не высказывает. Действует исподтишка.

Открыто и громко она ратует лишь за модернизацию, перестройку и «внедрение новых технологий» в работу музея.

Как и Виктория Феофилактовна, Кристина тоже не замужем. Но в ее возрасте все еще впереди.

– Секретарь принесла вам чай.

Голос у нее тоже обычно приятный. Но сегодня – вот странность, как и у профессора Гайкина, звучит словно с какой-то трещинкой. Тоже насморк? Простуда?

– Кристина, присядьте, составьте мне компанию.

– Спасибо, я пила кофе.

– Ну все равно сядьте. И положите бумаги, это потом. Мне надо с вами посоветоваться.

Кристина села в жесткое кресло из карельской березы в стиле ампира напротив стола. Виктория Феофилактовна страдала больной спиной и не терпела вокруг себя мягкой мебели.

Вот и сейчас она выпрямилась, сидя на жестком стуле за своим необъятным столом куратора.

– Как там дела у наших проверяющих? – спросила она после крохотной паузы.

Со вторника в музее работает аудитор... или, как она себя называет, старший эксперт Счетной палаты с двумя ревизорами и секретарем. Дарья Юдина – она предстала перед куратором отдела личных коллекций Викторией Феофилактовной там, на самом верху Верхнего царства, в кабинете директора музея в понедельник вечером, когда музей закрыт для посетителей.

– Вот у нас проверка из Счетной палаты...

– Плановая проверка, – перебила директора музея старший эксперт Юдина.

– Да, да, ну что ж... проверяйте. Виктория Феофилактовна, окажите сотрудникам Счетной палаты максимальное содействие. Все документы, которые они попросят, все счета, компьютерные файлы, ну и так далее.

Там на самом-самом верху Верхнего царства в директорском кабинете пережили десятки, сотни проверок. Ну что ж, это очередная, милости просим в музей.

– Так как у них дела? – повторила свой вопрос менеджеру Кристине Виктория Феофилактовна.

– Смотрят отчетность. Вчера до восьми сидели в отделе учета и планирования – вся группа. И сегодня уже здесь еще до открытия музея.

– Ну хорошо, мы должны им оказывать максимальное содействие.

– У меня это на контроле. Но я хотела вам сказать, что...

– Извините, у меня к вам еще один вопрос, – Виктория Феофилактовна – сама вежливость, но дает понять: я пока тут старший куратор, детка. И пока я не закончила задавать вопросы, прикуси свой длинный язык. – Как продвигаются дела с коллекцией Саддыкова?

Во всех документах, в дарственной музею, в завещании покойного у этой коллекции другое название. Так сказать, историческое. На этом настоял покойный владелец Ибрагимбек Саддыков.

– Продолжается осмотр, начали разбирать ящики. На все уйдет не один месяц, сами понимаете. Там по каталогу 113 предметов. И Олег... то есть, Олег Олегович начал детальную опись двух погребальных саркофагов. Но это крупные предметы.

– А какие ящики уже обработаны?

– Коллекция скарабеев. Все переложено в сейф, там ведь ювелирные артефакты. И другой ящик...

– Какой? Со статуэтками храма Бастет?

– Нет, то есть, да. Олег... он вскрыл ящик с мумиями.

– Начал осмотр коллекции с кошек? – Виктория Феофилактовна подняла свои тонкие брови – уже седые, но тщательно зачерненные карандашиком.

– Он же хранитель коллекции. Он начинает с того, что считает самым интересным.

– В таком количестве, сколько их там есть, кошки... то есть, мумии кошек... на это уйдет не одна неделя. Ну хорошо, хоть коллекцию скарабеев уже распаковали. Медленно он работает.

– Он очень скрупулезный. Большой педант во всем, – когда Кристина говорила о профессоре Олеге Гайкине, щеки ее иногда розовели. Вот как сейчас. – Извините, я хотела вам сказать, поставить вас в известность...

– Да, я слушаю, – Виктория Феофилактовна кивнула: теперь можно, говорите.

– Она, эта ревизорша... то есть, аудитор Счетной палаты, уже спрашивала меня о «Проклятой коллекции». Вчера, почти сразу, как они забрали у нас все документы.

Кристина назвала коллекцию, поступившую в дар музею по завещанию Ибрагимбека Саддыкова, ее настоящим историческим именем.

– Дорогая моя, не удивляйтесь. Они ведь по большому счету из-за нее и явились. Вся эта проверка Счетной палаты из-за этого вот бесценного дара, что получил наш музей к своему столетнему юбилею.

– Они захотят все увидеть. Что, им все показывать? Все ящики вскрывать?

– А мы не можем отказать аудитору Счетной палаты. Пусть смотрят, пусть видят. Из-за этой коллекции весь сыр-бор.

– Но все же законно. Все документы в порядке. Музей и в прошлом получал в дар коллекции предметов искусства.

– Все дело в личности дарителя.

Кристина поправила на носу очки.

– По-моему, музея это не должно касаться, – сказала она после новой возникшей крохотной паузы.

– Я смотрела все репортажи тогда в марте. Когда убили этого несчастного человека. Потому что это уже тогда нас коснулось. Мы были поставлены в известность, что «Проклятая коллекция» отойдет в дар музею. Так вот я смотрела все новостные репортажи. Его застрелил снайпер из какой-то необыкновенной винтовки, которая вроде как на вооружении у спецслужб. Киллера не нашли, никто его не видел, хотя все произошло в самом центре Москвы. И вы знаете, как они его, покойника, называли? Узбек. Понимаете, только эта вот уголовная кличка – все корреспонденты хором. Очень, очень редко по фамилии. Узбек застрелен... винтовка с оптическим прицелом и разрывными пулями. У него не было шансов, – Виктория Феофилактовна процитировала все смачно, на память. – *Они* думают, мы тут ничего не понимаем. Я ничего не понимаю. Сижу, мол, тут у себя в музее среди пыли и картин... такая старая музейная крыса.

– Но, Виктория Феофилактовна...

– Подождите, вы лучше скажите мне, что мы смогли позволить себе из государственного финансирования к столетнему юбилею? Что? То-то и оно. А тут сразу такое пожертвование от частного лица с темным криминальным прошлым. Я не говорю, сколько стоит эта коллекция. Она бесценна.

– Но Узбек... то есть, простите, он, владелец, Саддыков никогда не сидел в тюрьме. С этой стороны как раз все чисто.

– Во всех репортажах его именовали отцом... крестным отцом мафии. Попомните мои слова, Кристина, – эти из Счетной палаты приехали для того, чтобы не позволить нашему музею в полной мере распоряжаться коллекцией. По завещанию «Проклятая коллекция» входит в фонды музея с обязательным условием демонстрации, организации постоянной экспозиции в нашем музее личных коллекций. Во всех каталогах, на всех сайтах должны быть указаны имя, фамилия ее прежнего хозяина, нашего дарителя. Не Узбек, а уважаемый Ибрагимбек Саддыков. Он этого хотел, именно этого он и добивался. Посмертной славы. Потому что как только эта коллекция появится в открытом доступе, она станет гвоздем. Такой же визитной карточкой нашего музея, как Египетский зал, как Золото Трои.

– Вы считаете, что они не позволят нам выставить его коллекцию?

– Не позволить официально они не могут. Но они могут прислать нам проверку Счетной палаты. Всегда найдется, к чему придаться. Кристина, мы должны быть стойкими. Вы понимаете меня? Наш долг быть стойкими и не поддаваться на провокации. Даже больше – устранять малейшую возможность провокаций.

Кристина помолчала.

– О чем вы хотели со мной посоветоваться? – спросила она после третьей возникшей в разговоре крохотной паузы.

– А мы уже с вами посоветовались. Разве нет?

– Да, конечно. Я понимаю. Можете положиться на меня. Я вот что подумала...

– Что?

– Название историческое... очень мрачное и вместе с тем полное тайны, да просто сногсшибательное в смысле рекламы для музея. «Проклятая коллекция»... да к нам очереди будут выстраиваться километровые, как на Дали и Пикассо, лишь бы краем глаза взглянуть! «Проклятая коллекция» – это же настоящий бренд. Но вот странность...

– Какая же странность? – Виктория Феофилактовна улыбалась.

– Он же умер. Узбек... его застрелили через несколько месяцев после того, как он купил «Проклятую коллекцию».

– Его бы застрелили все равно, даже если бы он не приобретал «Проклятой коллекции». Они думают, я тут ничего не понимаю. Смотрю телевизор и глотаю все, что они там врут. У него ведь сначала отняли, закрыли тот ужасный рынок. Ему дали понять, когда закрывали рынок. Но он, видно, не уговорился, этот несчастный старик. Криминальных авторитетов просто убивают, вычеркивают из списка, если они не понимают, когда их предупреждают вот так.

– Но я читала... ведь не только он... ВСЕ владельцы «Проклятой коллекции» умирали. Министра этого в Египте повстанцы повесили, и эта египетская певица из Каира в пятидесятых годах... «Соловей Египта» ее называли. Коллекция ведь принадлежала ей. И она наглоталась таблеток.

– Для похудения, и у нее не выдержало сердце. Неважные были лекарства в пятидесятых. Энвер-паша тоже был владельцем «Проклятой коллекции», он умер в возрасте восьмидесяти лет в Ницце и оставил пятнадцать детей. Все это сплошные суеверия, дорогая моя.

– Но я читала, что стоит лишь «Проклятой коллекции» появиться, кто-то непременно умрет.

В кабинете повисла новая крохотная пауза.

– Все это суеверия, – повторила Виктория Феофилактовна. – Знаете, я попросила телохранителя Саддыкова... Юсуф его зовут, такой задумчивый, печальный, молодой... он придет сегодня вечером со своей частью документов на коллекцию. Аудитор Счетной палаты госпожа Юдина должна с ним встретиться тут, пусть сама посмотрит документы. И пусть он, этот душе-

приказчик Узбека, тоже познакомится с ней. Он не глупый парень. Он сразу поймет, какие цели преследует госпожа Юдина.

– Конечно, она захочет посмотреть все документы. И все же не часто музеи становятся обладателями коллекций, овеянных такими вот суевериями... за которыми, как шлейф, тянется смерть.

– Вы словно пытаетесь угадать, кто умрет? – Виктория Феофилактовна усмехнулась. – Дорогая моя Кристина, мне семьдесят пять. И я давно ко всему готова.

Глава 11

Поход в музей на ночь глядя

Как ни отвлекайся, как ни переключайся, но осадок от «Приюта любви» остался кошмарный.

В понедельник Катя сразу позвонила в дежурную часть Красногорского УВД, поинтересовалась – не задержан ли уже подозреваемый по делу зооотеля.

– Это по кошкам, что ли, дохлым? – напрямик осведомился дежурный. – Пока нет, группа работает.

Группа, поняла Катя, как состояла из двух молодых сотрудников братьев Мироновых, так и осталась без «приданных сил».

Во вторник она снова позвонила в Красногорск – никаких подвижек. Она хотела узнать телефон участкового Миронова, но потом решила – позже, нечего пареньку соль на раны сыпать: а вы установили, кто это сделал? Как, вы еще не установили?!

Все эти дни она занималась своими прямыми обязанностями криминального обозревателя пресс-центра ГУВД Московской области. А в середине недели решила, что пора брать отгул. Подружка Анфиса звонила каждый день, напоминала. Отгулом надо распорядиться умело и взять его не в среду, как намечалось, а в четверг! Ночь ведь вся впереди в музее, так что потом в свой выходной можно выспаться всласть.

Ах, что же это за ночь такая?

Ночь в музее.

Еще до всяких там американских блокбастеров на эту тему каждый ребенок... ну, почти каждый, Катя в том числе, мечтал об этом чуде с холодком в сердце – ночь в музее, когда темно... Нет, когда льется лишь тусклый скупой свет и ОНИ – все эти статуи, картины, этрусские маски, вавилонские быки, мумии восемнадцатой династии, фаюмские портреты, немецкие деревянные куклы, бронзовые всадники, мрачные рыцари в доспехах с опущенным забралом СМОТРЯТ на вас.

А вы идете тихо-тихо, легко ступая, не осмеливаясь дышать в этом скупом свете, в этой тьме, окутывающей углы и ниши. И страх, и восторг, и любопытство, и трепет переполняют вас.

Зал, и еще один зал, и другой зал, и третий, седьмой, двенадцатый – целая анфилада залов – пустых, гулких, ночных музейных залов.

И вы, замирая сердцем, ждете – ну кто же из НИХ оживет первый? Сойдет с мраморного пьедестала, выскользнет из позолоченной рамы?

Это ведь почти как колдовство, хотя никакого колдовства нет.

Ночь в музее.

Целая ночь, и только для вас.

Вот так примерно Катя все это себе и представляла, когда, осатанев от сочинительства на компьютере очередной информации для криминальной полосы «Вестника» о разбойном нападении на грузовую фуру с предметами гигиены и туалетной бумагой, отрывалась от всей этой белиберды и мечтательно вперяла взор свой в стену напротив с висящим на ней календарем: «Полицейские Подмосковья».

Скоро, скоро, скоро... Совсем скоро... Сегодня вторник. Значит, завтра!

Дома для похода в музей ночью она даже собрала особую сумку. Ну, во-первых, обувь. Каблуки долой. Берем с собой удобные балетки. Берем две бутылки минеральной воды. Буфет-то там, наверное, ночью закрыт. Хотя это репетиция ночи музеев, сотрудники на местах, им ведь есть-пить надо, целая ночь работы. Нет, все равно минералку берем с собой. Пакетик мятных леденцов и шоколадку... нет, три шоколадки. Одну себе и две Анфисе. Это так, душу

погреть. Устанем под утро, спать захотим, а тут раз, и шоколадка извлекается и съедается как энергетический допинг.

Анфиса там же работать собирается, она не на прогулку, а работать! А когда она снимает что-то, фотографирует, то впадает в такой творческий раж, что не замечает ни времени, ни пространства.

Катя по привычке проверила свое служебное удостоверение в сумке. Нет, его мы в музее предъявлять никому не станем. Нечего там делать ночью *полицейскому*. Анфиса проведет, будем в ее свите как частное и адски любопытное лицо.

Вечером, когда Катя собирала свой музейный багаж, снова позвонила Анфиса и сказала, что завтра они встречаются в шесть во дворе музея на Волхонке.

– В шесть? Я думала, мы туда часам к девяти поедем, – удивилась Катя.

– Нет, мы должны явиться до закрытия, я еще раз пойду там по всем инстанциям, по кабинетам для подтверждения разрешения на съемку. А затем я... то есть мы... мы с тобой станем свидетелями, как...

Как последний посетитель покидает музей...

И двери... эти великолепные старинные двери закрываются за ним.

И музей остается наедине с собой.

И сумерки опускаются. Наступает великая волшебная ночь...

Голос Анфисы в телефонной трубке срывался от волнения. Анфиса ликовала!

– Я это сфотографирую, как они все сваливают домой – эти посетители. А музей и мы... мы остаемся.

– Класс! – Кате эта идея тоже понравилась. – Как скажешь, подружка. Значит, завтра в шесть во дворе у колонн.

В уме она уже прикинула: значит, домой, сюда, на Фрунзенскую набережную, она завтра с работы уже не попадет. От Никитского переулка, где Главк, до Волхонки – пять минут быстрым шагом.

Открыла шкаф в спальне и начала прикидывать – что брать с собой, во что переодеваться там, в музее. Явится она туда в деловом костюме, так солиднее. Но чтобы бродить по залам и ловить... нет, ускользать, улепетывать от...

От кого улепетывать в музее ночью?

От призраков, от привидений, от оживших античных статуй, как в «Венере Ильской» Проспера Мериме, или от Мумии, как в рассказе Конан Дойла?

Катя врубил в спальне музыку и едва не пустилась в пляс от такой перспективы. Ах, Анфиса, ах, подружка, как мне тебя благодарить. Ты исполнишь самую заветную мечту моего детства!

Ночь в музее.

И никаких шоу при этом, никаких очередей, никаких толп, никаких зевак. Великий, огромный, прекрасный, ужасный, полный тайн музей только для нас на целую ночь.

Она сложила в сумку джинсы и худи с капюшоном, белый топик и запасные гольфы.

В среду она весь рабочий день... не весь, половину провела как на иголках, прося в душе одного – лишь бы никаких ЧП в области, а то ведь ехать придется! Отгул-то только завтра. Но ЧП не случилось, в дежурной части – редкое затишье.

В четыре Катя скорехонько свернула свои корреспондентские дела, закрыла ноутбук, предупредила шефа пресс-центра, что у нее завтра вы-ход-ной. И на полтора часа отправилась в главковский спортзал.

Выбрала для себя тренажер – беговую дорожку. Благополучно «прошла» быстрым спортивным шагом два километра. Затем она отправилась в душ, высушила свои отросшие, такие длинные и густые волосы феном, что всегда хранился у нее в шкафу в кабинете.

И, бодрая, заряженная энергией, освеженная душем отправилась перекусить в буфет ГУВД, работавший 24 часа в сутки.

Без десяти шесть она покинула Главк. Свернула по Никитскому на Манежную площадь, перешла дорогу на светофоре у Каменного моста, и вот она, Волхонка.

Вот он, музей.

Анфиса, навьюченная как верблюд сумками и аппаратурой, уже ждала ее там, во дворе. У античного портика со знаменитыми ионическими колоннами.

Глава 12

Извлечение мозгов

Василиса Одоевцева и ее коллега по Египетскому залу, смотритель комнаты Мумий и саркофагов Арина Павловна Шумякова, обычно отлучались на обед по очереди.

Смотрителям не разрешено покидать вверенный музейный зал надолго – в туалет и то надо просить коллегу из соседнего зала «приглядеть».

Но Василиса и Арина Павловна скооперировались. Они дружили с тех самых пор, как два месяца назад Арина Павловна пришла на работу в музей.

Василиса отлучалась из зала чаще приятельницы. По старой еще модельной привычке то и дело ходила прихорашиваться перед зеркалом – поправлять парик, подкрашивать губы, пудриться. На людях все время, в зале, надо следить за собой.

Арина Павловна ходила обедать в столовую музея, но возвращалась она быстро. Всего два месяца, как она похоронила своего брата, за которым преданно ухаживала много лет. И боль потери уничтожила, по ее словам, ее прежний здоровый аппетит.

Василиса приятельницу понимала – она и сама всю жизнь – малоежка. Понимала она и то, что после похорон Арина Павловна нашла себе при помощи каких-то доброхотов эту вот работу смотрителем в музее. Дома одинокой пенсионерке, да еще после похорон брата, тяжело, а тут все же люди кругом. И потом, деньги платят.

Этот рабочий день обещал быть долгим, растягиваясь к тому же и на всю ночь – репетиции ночи музеев. Поэтому приятельницы решили посетить столовую дважды – в обед и в ужин.

На ужин первой ходила Арина Павловна и опять-таки вернулась быстро.

– Ну иди, Васенька, – сказала она Василисе. – А то столовая уже закрывается.

И тут в Египетском зале замигал верхний свет и внезапно погасла вся правая сторона.

– Снова что-то с проводкой, – сказала Василиса.

– Иди в столовую, я сейчас позвоню электрикам, – Арина Павловна подошла к телефону на стене у двери в Египетский зал и набрала внутренний номер технических служб.

В ожидании электрика она присела на банкетку у входа в Египетский зал. Отсюда и часть комнаты Мумий и саркофагов просматривается.

Оттуда он и появился. Этот высокий ангелоподобный мальчик. Он нес стремянку на плече так легко, словно она не весила ни грамма. Походка у него какая-то неровная, разболтанная. Вертит узкими бедрами, словно женщина легкого поведения. И эти волосы – белые, льняные... красивые волосы, но уж больно длинные для парня его возраста. Когда он сутулится и наклоняет голову, вот как сейчас, волосы почти полностью закрывают его лицо. А потом он вскидывает голову, и эта шелковистая белая волна приходит в движение. Но глаз все равно не видно. Виден лишь пухлый капризный детский рот.

Арина Павловна поджала свои сухие губы. Этот ангелоподобный мальчик... электрик... нет, официально у него должность длинно звучит – помощник специалиста по электротехнике и слаботочным системам, никогда ей не нравился.

Имя у него тоже какое-то не такое. Она пробовала его пару раз назвать как обычно – Миша, но он все поправлял – Майк.

И вопросы он порой задает странные. Просто мороз по коже от этих его вопросов. Когда выпадает у него свободная минутка, поднимается сюда из своего технического отдела в комнату Мумий и саркофагов и смотрит экспонаты.

– Миша... то есть, Майк, опять сегодня что-то со светом тут, – сказала Арина Павловна Шумякова. – Сейчас вся правая сторона перегорела.

Майк... тот самый Майк Тригорский, фамилию и имя которого так и не назвал участковый Миронов Кате, молча поставил стремянку у стены.

Он возился минут пять, потом пошел в Античный зал смотреть электрический щит и проверять сигнализацию.

Снова вернулся, переставил стремянку поближе к залу Мумий и саркофагов.

Арина Павловна наблюдала, как он копается в проводке, сняв одну из панелей на стене.

В обоих залах – ни одного посетителя. Что бы там ни говорили, а музеи в будний день посещают скупо и неохотно. Арина Павловна оглянулась на двери Египетского зала. Скорее бы Василиса вернулась, что ли...

– Майк, ну что там? Что со светом?

Он не ответил. Арина Павловна не видела его лица – эти чертовы белые шелковистые волосы, разделенные прямым пробором.

И тут она услышала голоса – женские, раздраженные, на повышенных тонах.

Мимо Египетского зала прошли менеджер музея Кристина и высокая блондинка в сером деловом костюме – отлично сшитом, дорогом, ловко сидящем на ее крупной фигуре.

Все, в том числе и Арина Павловна Шумякова, знали, что со вторника в музее работает проверка Счетной палаты. И эта дама – какая-то шишка, то ли аудитор, то ли какой-то эксперт – одним словом, к нам приехал ревизор!

– На акулу похожа, правда?

Арина Павловна вздрогнула: этот парень... Майк уже не на своей стремянке, не под потолком, а прямо у нее за спиной. Словно подкрался стремительно и неслышно.

– Какую еще акулу? О чем ты, Майк?

– Тетка, что с Кристиной. Улыбается, как акула. Полон рот белых зубов.

Майк смотрел вслед менеджеру музея Кристине и эксперту Счетной палаты Дарье Юдиной. Арина Павловна Шумякова не поняла – это что, у него такой комплимент? Он восхищается вот так женской улыбкой?

– Что со светом?

– Все нормально.

– А почему не горело?

– Я не знаю, контакт отошел, наверное.

Майк Тригорский не торопился забирать свою стремянку электрика. Он медленно направился в комнату Мумий и саркофагов. Арина Павловна пошла за ним.

Майк остановился у стенда с погребальной маской фараона. Долго смотрел. Потом медленно пошел вдоль витрин с саркофагами.

– А где крюки? – спросил он.

– Какие еще крюки?

– Ну, которые они в ноздри засовывали и вытаскивали мозг.

– Кто – они? – строго спросила Арина Павловна.

– Ну, эти... жрецы, что ли, или как их там.

Голос у него – юношеский, и в тоне сквозит любопытство. И еще что-то...

– Инструменты, использовавшиеся при подготовке трупов к бальзамированию и мумификации, вон в той витрине – крайней.

Майк подошел к витрине.

– Крючья... Это они с мертвыми делали? А с живыми?

– Что – с живыми? – еще строже спросила Арина Павловна.

– Живым они крючья в нос совали? Мозги выкачивали? И как через такую маленькую дырку... ноздрю можно было все вытащить?

– Я понятия не имею.

– Да, вы же у нас недавно. Вы у нас новенькая.

Она не видела его глаз сквозь шелковую завесу его белесых волос, но чувствовала, что он смотрит, словно ощупывает ее взглядом.

В зал вошли две голландские пожилые туристки и остановились перед великолепным саркофагом писца фараона Аменхотепа, отделанным черной смолой и позолотой.

Глава 13

Двери закрываются

Катя вслед за Анфисой поднялась по ступеням и вошла в тенистый сумрачный портик, украшенный ионическими колоннами.

Тот самый, знакомый с детства.

Позже она часто вспоминала этот момент. Они с Анфисой словно переступили некую невидимую черту. Они и представить себе не могли, какие странные, пугающие и трагические события впереди.

Музей, за век своей истории видевший немало и хорошего и плохого, переживший все это, перемоловший в пыль, как жернова судьбы, неумолимо приближался к катастрофе.

Катя открыла тяжелую дверь и оглянулась – в шесть часов вечернее солнце светит мягко, золотит купол храма Христа Спасителя, играет бликами на лобовых стеклах спешащих по Волхонке машин.

Такое приятное солнце... такой приятный майский вечер...

– Ты что? – спросила ее Анфиса.

– Ничего.

– Тогда идем.

И они вошли в музей.

Анфиса усадила Катю с сумками с аппаратурой в гардеробе на банкетку, а сама пошла, как она смешно выразилась, в Верхнее царство...

– Почему это Верхнее?

– Это у них местный музейный сленг такой, – Анфиса строила из себя бывалую музейщицу. – Я когда в прошлый раз разрешение подписывала, они меня тут водили по кабинетам, в директорский и администрации. И называли все это Верхнее царство. Ну, как в Древнем Египте. Объяснили, что изначально музей сто лет назад формировался вокруг их замечательной египетской коллекции, которая до сих пор главный хит.

– Если есть Верхнее царство, должно существовать и Нижнее, – заметила Катя.

– Угу, вот как раз в нем мы сейчас и находимся, – Анфиса кивнула на вестибюль и гардероб. – Ладно, пойду опять вознесусь в горние выси. А ты жди меня.

Она нырнула куда-то по коридору, неплохо ориентируясь в музейных декорациях. А Катя осталась.

Раздался мелодичный сигнал и приятный голос... такой же приятный и мягкий, как закатное солнце там, снаружи, как вечерний майский вечер, объявил:

Уважаемые посетители, через четверть часа наш музей закрывается. Просим всех пройти на выход.

Через несколько минут пустой вестибюль начал наполняться народом. В гардероб мало кто заглядывал, лишь те немногие, кто сдал свои куртки, плащи и зонты. Посетители музея толпились вокруг киосков, продававших альбомы живописи, открытки, сувениры с логотипом музея.

Катя смотрела в сторону белой мраморной лестницы с ажурной решеткой.

На страже у ворот стоял... то есть, удобно сидел на стуле за столом билетер, интеллигентнейшего вида старичок в синем костюме и с тростью.

Посетители не торопились покидать вестибюль. Мелодичный сигнал с приятным голосом повторился.

Осторожно, двери закрываются...

Берегись...

Кто не поберегся, голову с плеч...

Катя зевнула украдкой и достала из сумки бутылку минералки. Ждать Анфису скучно. И уйти нельзя.

А кто это сказал: «Берегись, а не то голову с плеч»?

– Все, вот и я, – Анфиса, раскрасневшаяся, довольная, размахивающая какой-то маленькой бумажкой, возникла словно ниоткуда – из бокового коридора. – Ты что тут, спишь, что ли?

– Я на тренажере перезанималась, а потом душ горячий, меня может в любую минуту разморить, – Катя прикалывалась. – Вот лягу тут на банкетке, свернусь калачиком и просплю всю эту волшебную ночь. Ну, все подтвердили?

– Все путем, – Анфиса уже рылась в сумке, извлекая фотокамеры. – Я хотела саму хозяйку Верхнего царства снять, директрису. Но она сегодня на прием в посольство уезжает. Репетируют тут ночь музеев без нее. Заместительницей остается как раз Вавич.

– Кто он такой?

– Не он, а она, Виктория Феофилактовна, я тебе говорила, она мою выставку в галерее видела. Так, погнали, нечего рассиживаться. Я хочу снять момент, когда они закроют двери, когда последний посетитель выкатится вон коlobком и они запрут музей.

– Так вот же, снимай, – Катя указала на боковой выход у гардероба, куда сочился утлый ручеек покидающих музей экскурсантов, шествующих мимо скучающего на посту полицейского.

– Фу, тут такая проза, – Анфиса скорчила гримаску. – Что здесь снимать? Мы сейчас пойдем на главную лестницу, к центральному входу.

– Но выход здесь, – Катя улыбалась.

– Они сделают все для меня, я договорилась! Пошли, пошли. Ты тоже поучаствуешь.

И Анфиса не обманула.

Они свернули налево по коридору, прошли и вынырнули уже у касс.

Вот двери музея. А вот она, знаменитая высокая главная лестница – колонны золотистого мрамора, зеленые стены, бежевая ковровая дорожка с алой полосой.

Пусто, лишь один охранник с рацией в вестибюле.

– Здравствуйте, это у меня тут съемка, вот разрешение, – Анфиса подкатилась к нему, как мячик, камеры на ремнях прыгали на ее полной груди. – Мы сейчас снимем, как последний посетитель покидает музей и вы закрываете двери.

Охранник кивнул, потом взял разрешение, прочел, что-то буркнул в рацию и глянул сверху вниз на Анфису и Катю.

– Валяйте, снимайте.

– А где этот последний посетитель? – спросила Катя.

– Ты и есть последний посетитель, – Анфиса ликовала. – Зачем, думаешь, я тебя позвала, душечка? Помогать мне. Ну-ка, ну-ка, сейчас мы выстроим мизансцену... Так, ты в дверях и оглядывайся... ну же, оглядывайся! Тут такая красота, и ты сожалеешь, что этот день... вечер закончился и ты уходишь... уходишь прочь от всей этой красоты и тайны.

Катя как в раме замерла на пороге музея. Тяжелые дубовые двери. Она переступила порог. Оглянулась. Анфиса фотографирует! И двери музея захлопнулись.

И вот она снова на улице. Одна в этом ионическом портике.

Она стояла у закрытых дверей. Никто не торопился пускать ее обратно.

– Эй! Анфиса!

Нет ответа.

Потом – бу-бу-бу, как из бочки, глухие голоса. Что там еще случилось?

– Кать! Ты там?

– Я тут, откройте двери!

– Охранник говорит, они уже закрылись, здесь таймер сигнализации, и он его не хочет перезапускать, – голос Анфисы жалобный, резкий и глухой одновременно, словно издали, а на самом-то деле она орет с той стороны через дверь. – Обойди музей и зайди с того входа, то есть, с выхода!

– Что?

– Обойди музей и зайди с выхода, так охранник сказал, он уже по рации предупредил, тебя пустят!

Катя спустилась во двор музея. Вот вам и «последний посетитель»! Медленно она вышла за ограду музея и начала свой обход со стороны Колымажного переулка.

Подошла к выходу, где стоял полицейский.

– Вам по рации передали, это я, – сказала она.

– Что?

«Придется, наверное, показать ему удостоверение», – Катя уже хотела достать его из сумки, но тут...

– А, это вы, проходите. Вы там фильм, что ли, снимаете?

– Мы фотографируем для выставки к столетию музея.

– Абзац тут сегодня полный с этой их репетицией, – полицейский хмурился. – И кто только додумался на ночь людей в музей пускать? Ночью спать надо, а не по музеям шастать.

Катя снова прошла мимо гардероба и очутилась в вестибюле. Но ажурная решетка наверху белой мраморной лестницы уже закрыта. И билетер ушел. Впрочем, туда наверх нам не нужно, нужно пройти снова в главный вестибюль к парадной лестнице с золотистыми колоннами.

И Катя свернула в коридор мимо туалетов. Еще один коридор... тут, кажется, налево... Как это Анфиса здесь ловко сновала...

– Я тебя прошу, успокойся. Это совсем не то, что ты думаешь.

– А что я должна думать?!

– Это совсем не то!

– А что? Если ты пялишься на нее постоянно? На меня ты так не смотришь. Вы что, раньше встречались? У вас что-то было?

– Ри, я прошу тебя... Вот черт...

Хрррррррррррр!

Что это? Катя замерла. Этот странный звук посреди скандала. Два голоса – женский, злой, тревожный и мужской – тоже тревожный, виноватый. И этот странный неприятный звук – то ли свист, то ли хрип.

– Поверни крышку, ты ингалятор не так держишь.

– Ри, я прошу тебя, не надо сцен. Это совсем не то, что ты подумала.

– Дыши... дыши глубже... Эх ты, я же люблю тебя. А ты... это ведь *то*, о чем я подумала, и ты сам это знаешь. Только вот лжешь. Лжешь мне прямо в глаза. Думал, я проглочу эту ложь? Ошибаешься. Я сама все про вас узнаю.

Катя двинулась вперед.

В пустом музейном коридоре – двое: молодая брюнетка в брючном костюме и модных очках без оправы и высокий видный блондин в неброском костюме – кудрявый, с проседью на висках, хотя еще и не старый, похож на актера Игоря Костолевского.

У брюнетки на щеках даже сквозь тональный крем проступают алые пятна гнева. Кудрявый блондин впился губами в спрей-ингалятор. Широкая грудь его ходит ходуном.

Беседовали на повышенных тонах именно они, а теперь при виде Кати – чужой, незнакомой, посторонней, вынужденно замолкли.

Катя прошмыгнула мимо. Надо же, какие страсти в музее... Но не наше дело, не наше дело. Мы тут только мимоходом, мимолетно, кратко. Наша цель – волшебная ночь в музее.

Хрррррр... Какой противный звук. Это ингалятор выдает струю ментола. Им отчетливо пахнет в коридоре. Судя по всему, этот мужчина болен астмой.

Катя свернула за угол. И вот он – сумрачный вестибюль у касс и главная лестница – золотистые колонны, бежевая с алой полосой дорожка. На втором этаже гаснут лампы – две из четырех. А у дверей музея в вестибюле Анфиса и невысокая пожилая женщина в лимонно-желтом костюме «шанель», белой блузе, в удобных замшевых туфлях с изящными пряжками. Чистота и благородство прекрасной старости.

– Катя, ну наконец-то, где тебя носит так долго? Вот Виктория Феофилактовна, пожалуйста, познакомьтесь, это Катя, она мой самый верный помощник. Я без нее как без рук.

Катя подошла. Ага, это и есть старший куратор отдела личных коллекций госпожа Вавич. В отсутствие директора она тут самая главная.

– Добрый вечер, – поздоровалась Катя. – Простите, я здесь у вас немножко заблудилась.

– И не мудрено. Музей большой, – Виктория Феофилактовна улыбалась приветливо. – Но на ночь музеев мы закрываем второй этаж. Там залы небольшие, и мы решили, что туда ночные экскурсии не пойдут. Зато открыт весь первый этаж, наша гордость, наша визитная карточка – Египетский зал, Античный зал, Итальянский дворик.

– Я там... то есть, мы там все отснимем тоже, – Анфиса – сама энергия. – Виктория Феофилактовна, я бы хотела сначала сделать несколько ваших снимков. Как вы, например, спускаетесь... такая замечательная лестница, и вы, как хозяйка музея...

– Я не хозяйка, я лишь скромный куратор.

– Ну да, как хранитель, как добрый гений этого места, – пылкую Анфису уже несло, она размахивала цифровой камерой. – Вас не затруднит подняться наверх и потом медленно спуститься?

Виктория Феофилактовна улыбнулась еще мягче – ну что ж, раз надо, это же музей – инициатор съемки, и старческой походкой, однако весьма бодро и энергично, начала восходить по ступенькам.

– Есть, Верхнее царство! – Анфиса нажала на кнопку, и цифровая камера выдала целую серию беспрерывных снимков.

Потом она стала снимать, как куратор идет по лестнице своего музея.

Катя молча наблюдала за ними. Сама она вспоминала невольно сцену в коридоре. Любовная сцена и одновременно сцена ревности. Ну что ж, кто сказал, что музейщикам любить запрещено? Однако какой-то неприятный осадок остался... надо же, она подслушивала! И этот свист спрея противный.

– Все отлично, я потом выберу лучшие снимки, – Анфиса радовалась, как дитя, – Виктория Феофилактовна, а теперь я хочу снять вас в каком-нибудь зале. Например, в Античном, где статуи, ой нет, лучше в Египетском!

Виктория Феофилактовна, порозовевшая от удовольствия и прогулки по лестнице, явно испытывавшая невинное удовольствие от того, что ее фотографируют и вот так – долго, тщательно, с таким энтузиазмом, благожелательно кивнула и повела их в Египетский зал, благо совсем рядом на первом этаже – только свернуть.

Ладья вечности встретила их.

Катя разглядывала фреску. Какая большая фреска... какие яркие краски, тысячи лет прошли, а они все еще не потускнели от времени.

Ладья вечности – она прочла это на табличке сбоку.

Ладья вечности из смерти в жизнь, и она словно приглашает их подняться на борт.

А потом Катя оглянулась и увидела, что у нее за спиной стоит женщина. И вздрогнула от неожиданности.

Надо же... с этой женщиной – высокой, с фигурой девушки, длинными ногами модели и непоправимо увядшим, постаревшим, сильно накрашенным лицом я уже встречалась.

Только эта женщина теперь похожа на старую египетскую царицу, словно сошла с той вон фрески. Парик... в тот раз он был рыжим, и она носила шляпу, а теперь парик цвета воронова крыла.

Василиса Одоевцева – смотритель Египетского зала созерцала Катю с высоты своего роста. Катя и сама не маленькая, но эта дама в роскошном черном парике имеет рост не меньше ста восьмидесяти пяти, просто баскетбольный какой-то рост.

– Девочки, как вы тут? Как настроение? – бодро спросила Виктория Феофилактовна. – Вот, знакомьтесь, это наши гости, фотографы.

– Вы что, для журнала фотографируете?

Это спросила другая смотрительница, вышедшая на зов из соседнего небольшого зала, залитого мертвенным желтым светом. Женщина лет шестидесяти – крашеная блондинка, аккуратно подстриженная, в темной юбке и черном жакете, в мягких туфлях без каблуков.

– Для фотовыставки к столетию музея, – сказала Катя.

– У нас тут часто снимают, но всегда по разрешению.

– Есть у них разрешение, все подписано, не волнуйтесь, Арина Павловна, – Виктория Феофилактовна приняла изящную позу на фоне выставленного в витрине гранитного барельефа с текстом пирамид – стелы, покрытой иероглифами.

– Я спрашиваю, потому что должна по инструкции. Тут ведь запрещены фото– и кино–съемка.

– Они получили разрешение здесь работать. Это все на славу музея, – Виктория Феофилактовна повернулась к Арине Павловне Шумяковой: – Я давно хотела отметить, что вы очень пунктуально и точно исполняете обязанности смотрителя.

Катя заметила, что Анфиса снимает Викторию Феофилактовну, но взор ее то и дело обращается туда, к Ладье Вечности, на фоне которой словно египетская статуя застыла колоритная Василиса. Катя вспомнила ее имя и фамилию – Василиса Одоевцева... да, она из «Приюта любви»... она еще говорила, подрабатывает там уборщицей при кошках... и что-то о двух работах... так, значит, она тут в музее работает смотрителем?

– Ой, простите, можно вас тоже пофотографировать? – закончив со старшим куратором, Анфиса почти взмолилась: – У вас такая неординарная внешность. Получатся замечательные снимки!

Василиса гордо выпрямилась.

– Да я прямо не знаю. Виктория Феофилактовна, это удобно?

Василиса явно жеманничала и кокетничала.

Виктория Феофилактовна снова кивнула. Но не так благожелательно, как в прошлый раз.

– Меня раньше много снимали для журналов. Хотя в советское время журналов мод было мало, но меня снимали часто, – Василиса повернулась в профиль.

– Да, моя дорогая, вы говорили, что в молодости работали модельером на Кузнецком Мосту, – сказала Виктория Феофилактовна.

– Не модельером, я была ведущей... то есть, по-нынешнему, топ-моделью Дома моды на Кузнецком. И меня также снимали для календаря «Советские бриллианты». Специально из Гохрана и с ювелирной фабрики привозили такие вещи на съемку, такие украшения в экспортном исполнении, какой там «Де Бирс», – Василиса достала пудреницу. – Да, было время, жила полной жизнью. Ну все, я готова, съемка пошла!

Анфиса закружила вокруг нее, щелкая камерой.

– Суперкласс!

Катя и Арина Павловна Шумякова созерцали процесс съемки. Арина Павловна оперлась спиной о косяк двери и скрестила на груди руки. Ее никто не собирался фотографировать, и она была этим, как показалось Кате, слегка обижена.

– Я должна вас покинуть, у меня много дел. Вы фотографируйте, работайте спокойно. Все, что вам покажется интересным. Наши сотрудники с удовольствием вам помогут, – Виктория Феофилактовна собралась уходить. – Двери моего кабинета всегда открыты.

– Ой, Виктория Феофилактовна, погодите, пожалуйста, не уходите. Я вот о чем хотела попросить, – Анфиса тут же потеряла к Василисе, как к объекту съемки, всякий интерес. – Выставка называется «Фантомы и легенды ночи». Портреты сотрудников на фоне экспозиции – это прекрасно. Но это лишь несколько снимков. Я бы... то есть, мы с Катей хотели снять что-то необыкновенное, что-то очень интересное, захватывающее... саму суть музея... может быть, какой-то особый экспонат или... я не знаю, что-то связанное с местной легендой, тайной. Ведь музей полон тайн, я знаю, я читала – такая история, такие коллекции. Хотелось бы сделать снимки, которые бы стали основой всей выставки.

Виктория Феофилактовна поправила свою идеальную укладку.

– Ну что ж, музей пойдет вам навстречу. Это будет интересно и полезно, как говорит мой менеджер, в смысле рекламы. Хотя такой музей, как наш, ни в какой рекламе не нуждается. Но сейчас новые времена, новые веяния, всякие там пиар-технологии. Подождите минуту.

Она достала из кармана жакета мобильный и набрала номер.

– Кристина, подойдите, пожалуйста, в Египетский зал, мы тут с фотокорреспондентами. Хочу с вами посоветоваться.

Через две минуты в Египетский зал вошла брюнетка в очках без оправы, в брючном костюме. Та самая... Катя сразу ее узнала. Итак, это Кристина – менеджер музея. Как тот кудрявый красавец ее назвал... Ри, кажется?

– Кристина, как вы считаете, это хороший пиар-ход – показать на снимках выставки к столетию музея процесс изучения экспонатов нашей новой коллекции? – спросила Виктория Феофилактовна.

– Это хороший пиар-ход. Выставляя такие снимки на обозрение общественности, по сути, мы этим заявляем, что коллекция уже у нас, в наших фондах, – голос Кристины звучал спокойно. И не скажешь, что всего полчаса назад она устраивала сцены в музейном коридоре.

– Олег Олегович ведь хотел сегодня вечером продолжить осмотр артефактов?

– Да, он собирался работать с коллекцией.

– Вот и прекрасно. Тогда проводите фотокорреспондентов к нему.

– Но, Виктория Феофилактовна... вообще-то это против правил, это чисто рабочий процесс, и мы... он станет возражать.

– Кристина, вам же ничего не стоит уговорить его, – Виктория Феофилактовна улыбалась. – Это отличный пиар-ход. И это на благо музея. Скажите ему, что это мое пожелание... то есть, мое распоряжение. Открыть «Проклятую коллекцию» для съемки.

– «Проклятую коллекцию»? – Анфиса воскликнула это так громко, как не подобает кричать в музее, она ликовала. – Класс! Вот это здорово, это то, что нужно, это будет основа моей выставки! А почему она «Проклятая»?

Катя вдруг ощутила – вот оно... это мгновение, когда двери музея закрылись, захлопнулись за ними по-настоящему. И они внутри, в недрах. И сейчас, быть может, опустятся еще глубже в это самое Нижнее царство и начнут открывать для себя то, о чем никогда не подозревали прежде, проходя по этим тихим, залитым светом залам.

– Что это за коллекция? – спросила она вслед за Анфисой.

– Кристина вас проводит к нашему куратору отдела Древнего Востока, а по пути расскажет, – Виктория Феофилактовна больше не улыбалась. – Это уникальная коллекция, она недавно поступила к нам, досталась музею в дар.

Глава 14

Античное бесстыдство

Старший эксперт при аудиторе Счетной палаты Дарья Юдина сидела в выделенном ей администрацией музея кабинете за столом, на котором громоздилась гора бумаг.

Так всегда при больших проверках. Ее помощник и секретарь уехали, забрав с собой папки с финансовой отчетностью, подлежащей комплексному пересчету объединенной ревизии.

Дарья Юдина осталась работать с теми документами, которые она считала самыми важными и которые не могли покинуть стены музея.

За эти три дня, что Дарья провела здесь, в этих стенах, она возненавидела музей.

Никогда прежде она не думала, что войти сюда и сидеть тут, читать документы и отвечать на вопросы и улыбаться вежливо, слушая чужие ответы, будет так трудно.

Просто невозможно. Нестерпимо!

Очень трудно держать себя в руках. Здесь, в этом месте. Где и была-то она прежде очень, очень давно. И не сохранила об этом месте почти никаких хороших воспоминаний.

Волхонка, Колымажный переулок...

Что это за харя гипсовая вон там в углу – орет, распялив рот в беззвучном крике? А, это гипсовая маска Горгоны Медузы...

Мертвые глаза...

Вопль боли...

Последний вздох...

Кабинет, точнее комната, которую выделили ей в музее для спокойной въедливой работы аудитора – маленькая, тесная, со старинной мебелью и вся заставлена гипсовыми слепками с античных статуй.

Это так называемый «запасник» для не слишком ценных экспонатов.

Гипсовые слепки – в основном с античных торсов. Все, что осталось от многочисленных статуй фризов храмов Эллады. Торсы, торсы, торсы без голов, с отбитыми руками. Изуродованные временем, точно взрывом, но сохранившие в себе невероятную мощь плоти.

Дарья Юдина, оторвавшись от бумаг, созерцала мускулистые мужские торсы. У многих мужское естество покалечено временем, отбито, лишь какие-то осколки – там внизу, куда так и скользит нескромный жадный взгляд.

Но у некоторых фигур – обезглавленных, безруких – ТАМ все как раз на месте. Столько силы мужской, мощи, неистраченного семени, могучего пыла.

Но все это лишь холодный древний камень. Мрамор, гипс.

А в настоящем...

– Вам документы нужны? Мне из музея звонили. Вот, я привез.

Он вошел без стука, так, как входят лишь очень уверенные в себе и наглые мужики или те, которым на все наплевать.

Или те, которые никого и ничего на свете не боятся.

Дарья Юдина медленно выпрямилась.

Невысокий, смуглый с очень широкими плечами, так и распиравшими его черный пиджак, с осиной талией и стройными ногами, стоял перед ней.

– Я старший эксперт Счетной палаты, – сказала Дарья Юдина.

– А я Юсуф, – он смотрел на нее так, как умеют смотреть лишь они – эти парни с Востока.

– Для начала, кем вы приходились Узбеку? Вы что, его родственник?

– Я был личным телохранителем уважаемого Ибрагимбека, много лет служил ему. А теперь я исполнитель его последней воли. Я привез документы от нотариуса и дарственную. Мне звонили из музея, сказали, вам это нужно опять смотреть.

– Да. И я уже подробно ознакомилась с документами, которые предоставил музей.

– Мы не нарушили никаких законов.

– Нет самого главного – разрешения на вывоз коллекции из Египта. В будущем, если музей выставит коллекцию, египетские власти могут предъявить претензии, что предметы искусства были вывезены из страны тайком.

Дарья Юдина отчеканила это самым стервозным тоном, на который только была способна.

Когда они... начальство из Счетной палаты посылали ее сюда, они сто раз говорили ей о ее непревзойденном такте. Но имелось-то в виду совсем иное. Это было ясно по интонации, по взгляду, по тем намекам, который хороший сотрудник понимает с полуслова.

– Коллекция полвека назад покинула пределы Египта, с тех пор все сделки по поводу нее совершались за рубежом.

Юсуф, сказав это, протянул ей папку с документами.

Но она документы не взяла. Не в бумагах дело.

– Ваш Узбек...

– Уважаемый Ибрагимбек...

– Так я не поняла, кем все же вы ему приходитесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.